

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Рассмотрено
Научно-методическим советом
ГУ Луганской Народной Республики
«Научно-методический центр
развития образования
Луганской Народной Республики»
(протокол №2 от 09.03.2017)

Утверждено
Министерством образования и науки
Луганской Народной Республики
(приказ №132 от 20.03.2017)

Государственная итоговая аттестация
по русскому языку
XI класс

СБОРНИК ИЗЛОЖЕНИЙ

Составитель:
Вылиток С.В. – методист Государственного учреждения Луганской
Народной Республики «Научно-методического центра развития образования
Луганской Народной Республики»

ЛУГАНСК
2017

Пояснительная записка

Государственная итоговая аттестация по русскому языку в XI классе является обязательной и проводится в форме изложения без творческого задания.

В сборнике представлены тексты 50 изложений, которые соответствуют требованиям к проведению подробного изложения и дают возможность проверить в полном объеме сформированность у учащихся коммуникативных умений (восприятие услышанной информации, подробное ее воспроизведение, самостоятельное определение предмета и задач высказывания, подбор для их решения необходимых речевых средств), а также орфографических и пунктуационных навыков.

На выполнение задания государственной итоговой аттестация по русскому языку отводится 90 минут, в течение которых учащиеся подробно воспроизводят первичный текст предложенного изложения с учетом его содержательной и структурной целостности (без дополнительного творческого задания). Изложение проводится по традиционной методике.

Отсчет времени начинается с момента начала работы учащихся над заданием.

Предложенный для изложения текст читается дважды. При первом прослушивании ученикам следует понять содержание, основную мысль, определить тему, соотнести ее с заголовком (если он есть), если заголовка нет, подумать, каким бы он мог быть; определить основной тип речи (повествование, описание, рассуждение); запомнить последовательность микротем. После первого прослушивания ученики могут делать наброски на черновике в виде плана и отдельных особо выразительных слов и словосочетаний.

Слушая текст второй раз, ученики уточняют свой план, больше внимание уделяют фактам (датам, фамилиям и т.п.), отмечают выразительные приемы, использованные автором текста. Не следует стремиться записать как можно больше. Важно увидеть, уловить своеобразие авторского стиля.

Ответственным этапом работы над изложением является редактирование на черновике его первого варианта.

План изложения остается в черновом варианте. В чистовой вариант он не включается. План может быть простым или сложным, может включать цитаты, вопросительные предложения.

В текстах, которые предлагаются для изложения, повествование может вестись от первого лица. При пересказе содержания такого текста учащиеся могут сохранить первое лицо или при необходимости заменить его на третье. Чтобы передать авторский замысел, настроение, стиль, следует при пересказе сохранить первое лицо, а третье лицо употреблять в том случае, когда это не помешает выполнить поставленную речевую задачу.

Все имена собственные (имена, отчества, фамилии героев, названия исторических событий, географических мест) учитель может выписать на доске.

ТЕКСТЫ ИЗЛОЖЕНИЙ

1. Трава

Существует точное человеческое наблюдение: воздух мы замечаем тогда, когда его начинает не хватать. Чтобы сделать это выражение совсем точным, надо бы вместо слова «замечать» употребить слово «дорожить». Действительно, мы не дорожим воздухом и не думаем о нем, пока нормально и беспрепятственно дышим. Но все же мы его замечаем. Даже и наслаждаемся, когда потянет с юга теплой влагой, когда промыт он майским дождем, когда облагорожен грозowymi разрядами.

Не всегда ведь мы дышим равнодушно и буднично. Бывают сладчайшие, драгоценные, памятные на всю жизнь глотки воздуха. По обыденности, по нашей незамечаемости нет, пожалуй, у воздуха никого на земле ближе, чем трава.

Мы привыкли, что мир зеленый. Ходим, мнем, затаптываем в грязь, сдираем гусеницами и колесами, срезаем лопатами, соскабливаем ножами бульдозеров, наглухо захлопываем бетонными плитами, заливаем горячим асфальтом, заваливаем железным, цементным, пластмассовым, кирпичным, бумажным, тряпичным хламом. Льем на траву бензин, мазут, керосин, кислоты и щелочи.

Высыпать машину заводского шлака и накрыть и отгородить от солнца траву? Подумаешь! Сколько там травы? Десять квадратных метров. Не человека же засыпаем, траву. Вырастет в другом месте.

Однажды, когда кончилась зима и антифриз в машине был уже не нужен, я открыл краник, и вся жидкость из радиатора вылилась на землю, там, где стояла машина — на лужайке под окнами нашего деревенского дома. Антифриз растекся продолговатой лужей, потом его смыло дождями, но на земле, оказывается, получился сильный ожог. Среди плотной мелкой травки, растущей на лужайке, образовалось зловещее черное пятно. Три года земля не могла залечить место ожога, и только потом уж плешина снова затянулась зеленой травой.

Под окном, конечно, заметно. Я жалел, что поступил неосторожно, испортил лужайку. Но ведь это под собственным окном! Каждый день ходишь мимо, видишь и вспоминаешь. Если же где-нибудь подальше от глаз, в овраге, на лесной опушке, в придорожной канаве, да, господи, мало ли на земле травы? Жалко ли ее? Ну высыпали шлак (железные обрезки, щебень, бой-стекло, бетонное крошево), ну придавили несколько миллионов травинок. Неужели такому высшему, по сравнению с травами, существу, как человек, думать и заботиться о таком ничтожестве, как травинка?

Трава? Она и есть трава. Ее много. Она везде: в лесу, в поле, в степи, на горах, даже в пустыне. Разве что вот в пустыне ее поменьше. Начинаешь замечать, что, оказывается, может быть так: земля есть, а травы нет. Страшное, жуткое, безнадежное зрелище! Представляю себе человека в безграничной, бестравной пустыне, какой может оказаться после какой-нибудь космической или не космической катастрофы наша земля, обнаружившего на обугленной поверхности планеты единственный зеленый росточек, пробивающийся из мрака к солнцу.

Глоток воздуха, когда человек задыхается. Зеленая живая травинка, когда человек совсем отрезан от природы. А вообще-то — трава. Скобли ее ножами бульдозеров, заваливай мусором, обливай нефтью, топчи, губи, презирай...

А между тем ласкать глаз человека, вливать тихую радость в его душу, смягчать его нрав, приносить успокоение и отдых — вот одно из назначений всякого растения, и в особенности цветка. (458 слов)

(По В. Солоухину)

2. Яков Вилимович Брюс

Это рассказ о потомке шотландских королей, российском графе Якове Вилимовиче Брюсе. 18 февраля 1721 года один из ближайших сподвижников Петра I, герой Полтавы Яков Вилимович Брюс стал графом Российской империи.

Девиз Брюса был столь же оригинален, как и он сам. Брюс избрал себе девизом одно лишь слово: «Были». Почему? Да потому, что он был не только генерал и администратор, более всего он прославился как чернокнижник и звездочет, колдун и маг и с высот своих великих знаний видел, что жизнь человека не более чем миг. Его почитали чем-то вроде российского доктора Фауста и говорили, что он столь учен потому, что давно уже продал душу дьяволу.

О Брюсе говорили: «Ты вот возьми, насыпь на стол гороха и спроси его, Брюса, сколько? А он взглянет — и не ошибется ни на одну горошину. А спроси его, сколько раз повернется колесо, когда поедешь от Тешевич до Киева? Он тебе и это скажет. Да что! Он на небо взглянет и тут же скажет, сколько есть звезд на небесах!»

О Брюсе говорили: «Он знал все травы тайные, камни чудные и составы из них разные делал, и даже живую воду».

Брюса считали чародеем и волшебником, а на самом деле он был хорошо образованным человеком, пытавшимся разгадать вечные тайны мироздания: феномен жизни и смерти, причины возникновения мира, загадку бытия.

Брюс нигде не учился и всего добился самообразованием. К концу жизни он изучил полдюжины языков и перевел множество книг: сочинения знаменитого Христиана Гюйгенса и «Фортификацию» Кугорна, трактаты по механике и многое иное. Он составил русско-голландский и голландско-русский словари, написал первый русский учебник по геометрии и составил, как утверждали, знаменитый «Брюсов календарь», по которому можно было предсказывать погоду и события на два десятилетия вперед.

Брюс составил одну из лучших географических карт России и один из первых астрономических атласов.

Своей славе мага и чародея Брюс обязан тому, что во все свои странствия и походы он брал подзорную трубу и ночами подолгу глядел на звезды. А когда в 1701 году в Москве, в Сухаревой башне, была открыта Навигационная школа, то на крыше башни в светлые лунные ночи можно было часто видеть темный силуэт человека, глядящего в небо.

Брюс стал и первым начальником Артиллерийской школы, созданной в том же 1701 году и размещенной в Сухаревой башне.

Но Брюс не был ни астрологом, ни алхимиком, ни чародеем. Он был ученым — последователем Коперника и Ньютона. Он был военным, инженером и артиллеристом, чьи пушки разгромили артиллерию шведов под Полтавой. Он был дипломатом, подписавшим Ништадтский мир, которым закончилась великая Северная война, длившаяся двадцать один год и давшая России и выходы к морю, и такие территории, какие не приносила ни одна из предшествующих победоносных войн.

В 1726 году Брюс вышел в отставку в чине генерал-фельдмаршала и поселился в имении Глинки под Москвой, целиком посвятив себя ученым занятиям. Там он и умер 19 апреля 1735 года. (456 слов)

(По В. Балязину)

3. Весенний остров

Пароход миновал Асиновский порог, и сразу Енисей сделался шире, раздольней, а высота берегов пошла на убыль. Чем шире становился Енисей, тем положе делались берега, утихало течение, река усмирялась, катила воды без шума и суеты. Я один стоял на носу парохода и, счастливо успокоенный, смотрел на родную реку, вдыхал прохладу белой ночи. Нос парохода время от времени так глубоко зарывался в воду, что брызги долетали до меня. Я слизывал с губ капли и ругал себя за то, что так долго не был на своей родине, суетился, работал, хворал и ездил по чужим краям. Зачем?

Пароход шел по Енисею, разрезая, как студень, реку, светлую ночь и тишину ее. Все на пароходе спали. Не спал лишь сам пароход, рулевой не спал, и я тоже не спал.

Я ждал солнце. Оно с час назад укатилось в лес и зависло в вершинах его. Туман поднялся над рекою, выступил по логам и распадкам, окурил берега. Он был недолговечен и пуглив, этот летний туман, и пароходу идти не мешал. Вот-вот после короткой дремы оттолкнется солнце от острых вершин леса, взойдет над синими хребтами и спугнет туманы. Они потянутся под срез тенистых берегов, заползут в гущу леса и там падут росой на травы и листья, на пески и прибрежные камни. И кончится так и не начавшаяся ночь.

Утром я увидел впереди остров. В середине его навалом грудились скалы, меж скал темнели кедрачи, местами выгоревшие, а по низу острова кипел вершинами лес.

Берега яркие, в сочной зелени — так бывает здесь в конце весны и в начале лета, когда бушует всюду разнотравье, полыхают непостижимо яркие цветы Сибири. В середине лета, к сенокосу, цветы осыпаются и листья на деревьях блекнут.

Но на подоле острова живая лента зелени! Это только что распустившийся гусятник и низенький хвощ. За ними синяя полоса, окропленная розовыми и огненными брызгами. Цветут колокольчики, жарки, кукушкины слезки, дикий мак. Везде по Сибири они отцвели и семя уронили, а тут еще цветут вовсю.

— Весна на острове! Весна!

Я побежал на корму парохода, я торопился. Остров все удалялся, удалялся, а мне хотелось насмотреться на нечаянно встреченную весну.

Остров зарябил птичьим косяком, задрожал в солнечном блике, свалился на ребро и затонул вдали.

Я долго стоял на палубе и отыскивал глазами такой же остров. Встречалось много островов, одиноких и цепью, но весеннего больше не попадалось. Тот остров оставался долго под водою, и когда обсохли его берега, то всюду уже было лето и все отцвело, а он не мог без весны — и забушевал, зацвел яркой радугой среди реки, и ничто не могло сдержать торжества природы.

Она радовалась, буйствовала, не соблюдая никаких сроков.

Вспоминая о весеннем острове, я думаю и о нас, людях. Ведь к каждому человеку поздно или рано приходит своя весна. В каком облике, в каком цвете — не важно. Главное, что она приходит.(450 слов)

(По В. Астафьеву)

4. Легенда о Коломне

Кто создает легенды? Ответ известен – народ. Конечно, легенду создает какое-то определенное лицо, а при передаче от одного лица другому она обрастает новыми подробностями, новыми поворотами сюжета, меняется внимание к отдельным ее моментам.

Народ совершенствует ее, завершает как художественное произведение. Удачная, интересная легенда никогда не имеет определенного автора. И все же известны случаи, когда легенду создает определенное лицо.

Одну из таких легенд создал известный русский писатель и историк Н.М. Карамзин. Он очень любил путешествовать и из каждого путешествия писал друзьям письма. Так, в результате путешествия по Европе появилось его интересное сочинение «Письма русского путешественника».

Осенью 1803 года Карамзин путешествовал по Подмосковию и свои впечатления, как обычно, излагал в форме писем. В дождливый сентябрьский день приехал он в Коломну.

Карамзин многое знал об истории этих мест и даже о происхождении некоторых названий. Он знал, что происхождение и значение названия Коломна не выяснено, и решил сочинить легенду, которую и изложил в письме из Коломны. «Желаете ли знать, – писал он, – когда и кем построен сей город? Никто вам этого не скажет. Летописи в первый раз упоминают о нем в конце XII века».

Затем он пишет, что поскольку неизвестно, кто основал этот город, то название его «для забавы можно произвести от славной итальянской фамилии Колонна». Известно, что папа Вонифатий VIII преследовал всех представителей рода Колонна, которые искали убежища в разных странах. Это факт достоверный. Карамзин пишет, что один из представителей этого рода, возможно, бежал в Россию, получил у великих русских князей землю при впадении Москвы-реки в Оку, основал город и назвал его своим именем – Колонна. Шутка Карамзина попала на страницы журнала «Вестник Европы» и обсуждалась там серьезными литераторами как вполне реальная версия. При этом никому не приходило в голову, что в истории неизвестен факт приезда из Италии в Москву никакого Колонны. Правда, русская история к тому времени была изучена недостаточно. Особенно горячо эта легенда была воспринята в самой Коломне. Кто-то переложил ее на летописный стиль, она переписывалась как отрывок из некоего летописца и заканчивалась так: «Коломна — сей город, некоторых летописцев по уверению, построен вышедшим из Италии знатным человеком, нарицаемым Карлом Колонною, около 1147 года».

Эта легенда, красиво написанная, висела в рамке почти в каждом купеческом доме на почетном месте. Шутка Карамзина сделала свое дело, и изображение колонны было включено в герб города Коломны, учрежденный тогда же.

Есть научные гипотезы и версии о происхождении и значении этого названия. Таких версий несколько. Наиболее убедительной, хотя и не окончательной, можно считать такую. Название Коломна восходит к финскому слову. До прихода славян на этой территории проживали финские племена, они-то, вероятно, и оставили это название. Оно значит «поселение около кладбища».

Географических объектов, имеющих названия с таким корнем, довольно много, и почти все они расположены к северо-западу от Москвы: озеро Коломно и село Коломна (в Тверской области), болото Коломенское, неоднократно река Коломенка и другие. (453 слова)

(По Г. Смолицкой)

5. О выборе цели

Когда человек сознательно выбирает себе в жизни какую-то определенную цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке – низкой или высокой.

Если человек рассчитывает приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина дорогой роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура.

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезни, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить от нее настоящую радость. Да, радость!

Подумайте, если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, то какие неудачи могут его постигнуть?

Не тому помочь, кому следовало бы? Но много ли не нуждаются в помощи? Если ты врач, то, может быть, поставил больному неправильный диагноз? Такое бывает у самых лучших врачей. Но в сумме ты все-таки помог больше, чем не помог. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка – роковая – неправильно выбранная главная задача в жизни. Не повысили в должности – огорчение. Не успел купить марку для своей коллекции – огорчение. У кого-то лучшая, чем у тебя, мебель или лучшая машина – опять огорчение, и еще какое!

Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять все. А что может потерять человек, который радовался каждому своему доброду делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью, шло от умного сердца, а не только от головы, не было бы одним только «принципом».

Поэтому главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах. Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной.

Означает ли это, что человек должен жить как аскет, не заботиться о себе, ничего не приобретать и не радоваться простому повышению в должности? Отнюдь нет! Человек, который совсем не думает о себе, – явление ненормальное и неприятное: в этом есть какой-то надлом, какое-то показное преувеличение в себе своей доброты, бескорыстия, значительности, в этом есть какое-то своеобразное презрение к остальным людям, стремление выделиться.

Поэтому я говорю лишь о главной жизненной задаче. А эту главную жизненную задачу не надо подчеркивать в глазах остальных людей. И одеваться надо хорошо (это уважение к окружающим), но не обязательно лучше других. И библиотеку себе надо составлять, но не обязательно большую, чем у соседа. И машину хорошо приобрести для себя и семьи – это удобно. Только не надо превращать второстепенное в первостепенное и не надо, чтобы главная цель жизни изнуряла себя там, где это не нужно. (452 слова)

(По Д. Лихачеву)

6. В доме Чехова

О Чехове сказано как будто все. Но пока еще мало сказано о том, что оставил Чехов нам в наследство в наших характерах и как Чехов своим существованием определил сегодня жизнь тех, кому он дорог. Почти ничего не сказано о «чувстве Чехова» – всегда живого и милого нам человека, о чувстве сильном и благородном.

И вот я решил статьи не писать, а обратиться к своим записям. Может быть, там где-нибудь и проскользнет то «чувство Чехова», которое я не могу еще точно определить. Записи эти очень короткие. Например: «1950 год. Я один в доме. Мохнатая собачка лает внизу. По традиции ее зовут Каштанкой».

Память получила легкий толчок и начинает восстанавливать прошлое.

Это было осенью 1950 года. Я пришел в ялтинский дом Чехова к Марии Павловне. Ее не было, она ушла куда-то по соседству, а я остался ждать ее в доме. Старая работница провела меня на террасу.

Стояла та обманчивая и удивительная ялтинская осень, когда нельзя понять, доцветает ли весна или расцветает прозрачная осень. За балюстрадой горел на солнце во всей своей девственной белизне куст каких-то цветов.

Цветы уже осыпались от каждого веяния или, вернее, дыхания воздуха. Я знал, что этот куст был посажен Антоном Павловичем, и боялся прикоснуться к нему, хотя мне и хотелось сорвать на память пусть самую ничтожную веточку. Наконец я решился, протянул руку к кусту и тотчас же отдернул ее: снизу, из сада, на меня залаяла мохнатая рыжая собачка по имени Каштанка. Она отбрасывала задними лапами землю и лаяла совершенно так, как описывал это Чехов.

Я невольно рассмеялся. Собачка села, расставила уши и прислушалась. Солнце просвечивало ее желтые добрые глаза.

Было тихо, тепло. Синий солнечный дым подымался к небу со стороны моря, как широкий занавес, и за этим занавесом мощно и мужественно, в три тона, протрубил пароход.

Я услышал в комнатах голос Марии Павловны, и вдруг у меня сердце сжалось с такой силой, что я с трудом сдержал слезы. О чем? О том, что жизнь неумолима, что, хотя бы некоторым людям, без которых мы почти не можем жить, она должна бы дать если не бессмертие, то долгую жизнь, чтобы мы всегда ощущали у себя на плече их легкую руку.

Я тут же постарался отогнать эти мысли, но горечь не проходила. Разум говорил одно, а сердце – другое. Мне казалось, что в то мгновение я отдал бы половину своей жизни, чтобы услышать за дверью спокойные шаги и покашливание давным-давно ушедшего отсюда хозяина этого дома. Давным-давно! Со дня его смерти прошло сорок шесть лет. Этот срок казался мне одновременно и ничтожным, и невыносимо огромным.

Пришла Мария Павловна, заговорила о Левитане, рассказала, что была влюблена в него, и, рассказывая, покраснела от смущения, как девочка.

Сам не знаю почему, но, выслушав Марию Павловну, я сказал:

— У каждого, должно быть, была своя «Дама с собачкой». А если не было, то обязательно будет.

Мария Павловна снисходительно улыбнулась и ничего не ответила.(464 слова)

(По К. Паустовскому)

7. Родина

Каждый из нас носит в себе любовь к родине в двух ее образах. Есть Родина – огромная страна. Эту Родину мы любим сознательной любовью и сознательно внушаем нашим детям любовь к ней.

Но у каждого из нас есть еще другая родина, которую никто нас любить не учил. И нужды учить нет. Мы и так ее любим, причем бессознательной любовью. Эта родина – маленькая точка на карте, место, где я родился и провел детство. Объективно говоря, не хуже и не лучше тысяч других мест, но для меня – единственное, особенное и ничем не заменимое. Образ этой родины, ее запахи, ее звуки человек помнит до гробовой доски, даже если он с детства туда не возвращался. Но вернуться тянет всю жизнь. Вдали от нее все, что с ней связано, волнует.

Упомянули родной городок по радио – и радостно слышать. Услышал в толпе родной говорок – и готов броситься на шею земляку, человеку, ничем более не примечательному. А уж если с ним разговоришься, начнешь расспрашивать, вспоминать родные места – все для него готов сделать.

Неужели любовь к родине – инстинкт? Это действительно так. Выяснено это было в опытах на перелетных птицах. Брали птиц в разном возрасте – еще не вылупившихся и только что вылупившихся птенцов, слетков, покинувших гнездо, молодых, живущих с родителями, молодых чуть постарше, взрослых – и перевозили с места, где были их родительские гнезда, в другое.

На новом месте пернатых подопытных задерживали до начала осенней миграции на зимовки, окольцовывали и отпускали. А весной ждали по обоим адресам. Оказалось, что, слетав на зимовки, взрослые птицы возвращались «домой», причем поведение молодых зависело от возраста в момент опыта. Если их перевозили по достижении некоторого критического возраста, они возвращались к «родным пенатам», то есть туда, откуда их увезли. Если же не достигали этого рубежа, они возвращались туда, где их выпустили. Значит, у птиц привязанность к определенному месту на земле образуется в детстве, в каком-то критическом возрасте. Где они в этом возрасте окажутся, там и будет их родина, на которую они станут возвращаться всю жизнь.

Видимо, этот же механизм действует и у детей в возрасте старше двух и младше двенадцати лет.

Наша маленькая родина всегда прекрасна, где бы ни вырос человек – в тундре, в пустыне или на берегу моря, на островке или в городе, ибо она запечатлевается в нашем мозгу и окрашивается всеми теми положительными эмоциями, что так свойственны детству.

Но многие виды животных имеют и еще один, уже врожденный образ – образ подходящей для вида экологической среды. При возможности выбора выросший в изоляции олень предпочтет лес, а сайгак – открытые пространства.

Исходная среда человека – всхолмленные берега озер и рек в саванне. И для нас до сих пор самый приятный ландшафт – слабовсхолмленный, где деревья и кустарники чередуются с открытыми пространствами, а вблизи есть река или озеро.

Заметьте, что люди безжалостно вырубают леса вокруг поселений в лесной зоне, но упорно сажают деревья вокруг поселений в степи. (458 слов)

(По В. Дольнику)

8. Приручение собаки

Собака была первым животным, прирученным человеком, и произошло это очень и очень давно. Само слово «собака» во многих языках гораздо старше, чем слова, обозначающие диких родственников собаки. Древний человек нашел имя сначала своему четвероногому другу. А диких хищников он называл «большими собаками» (львов, волков) и «малыми собаками» (лисиц).

Огромный материал для изучения далекого прошлого дают археологические раскопки, наблюдения антропологов, труды палеонтологов по изучению животных и растений, существовавших тысячи лет назад.

Человек далекого прошлого, живший, скажем, сто тысяч лет назад, не был ни богатырем, ни великаном, как его иногда представляют себе. Жизнь не баловала нашего далекого предка: он страдал от голода и холода, его мучили различные болезни.

Человек боялся не только хищников – он боялся многого. Мы не знаем, какие мысли роились в голове древнего человека, какие образы возникали, но знаем, что очень часто им владел страх, особенно по ночам. Первобытный человек боялся темноты не потому, что он думал о злых силах, прячущихся во мраке, а потому, что исчезало привычное очертание окружающего мира. Страх был очень силен, настолько силен, что навсегда запечатлелся в мозгу человека и сохранился до сегодняшних дней.

Но был у человека и вполне реальный страх: он боялся темноты еще и потому, что именно ночью выходили на охоту его враги – могучие хищники, и как раз ночью человек был особенно беспомощен перед ними. С ужасом вглядывался он в темноту, с трепетом прислушивался к ночным звукам. Если хищник нападал неожиданно, человек был бессилен.

Только люди не очень опасались волков, волки же не очень боялись людей и нередко подходили к стоянкам первобытного человека достаточно близко. Нельзя сказать, чтобы эти звери и люди испытывали друг к другу полное доверие, но и большого страха друг перед другом у них не было. Волки не нападали на людей, потому что вокруг было еще достаточно зверей и птиц. По этой же причине люди не охотились и на волков, разве что в крайнем случае, когда охота оказывалась особенно неудачной.

Но вот люди стали замечать: в какой-то момент волки начинали проявлять беспокойство, а вслед за этим всегда появлялся опасный хищник. Человек осознавал, что рычание или лай волков совпадали с появлением пещерного медведя или саблезубого тигра. Получив такое предупреждение от волков, человек успевал подготовиться к встрече с врагом или скрыться в надежном месте.

Сколько сотен или тысяч лет прошло с того времени, когда человек сообразил, что волки его сторожат, до того момента, когда он решил оставить при себе этих сторожей, мы, конечно, не знаем. Видимо, много, очень много лет жили люди и волки на расстоянии, очень медленно сближались и очень трудно понимали выгоду сближения. Но тем не менее оно происходило.

И вот наступило время, когда волкам уже не надо было бродить вокруг стоянок людей, а людям украдкой разбрасывать мясо, волк вошел в пещеру и растянулся у костра. Так вполне могло быть. И одна из существующих сейчас гипотез относительно приручения собак именно такова: сначала шло взаимное ознакомление, возникало доверие, отдельные животные приручались, а затем и одомашнивались. (475 слов)

(По Ю. Дмитриеву)

(

9. Синий камень Памира

Этот рассказ посвящен лазуриту, этому замечательному камню цвета неба, красочная история которого проходит через всю культуру в течение почти семи тысячелетий истории человека и его техники.

Природа исключительно скупа на синие камни, и редкость синего цвета в нашей земле как бы противопоставлена тому обилию синих тонов, которые она нам дает, особенно на юге, в разнообразных красках неба и моря. Как будто стихия земли не хочет подражать другим двум стихиям: ни синему небу, ни синему морю, – находясь с ними в вечной вражде.

Через всю длинную историю культуры проходил один камень – яркий синий лазурит Афганской земли, и сложными путями караванов попадал он в далекий Египет, Китай, Рим и Византию.

Через афганских и бухарских купцов скупались отдельные куски афганского камня, и шел он как особая ценность для украшений дворцов растущего Петербурга, и не мог с ним состязаться светлый пятнистый лазурит берегов Байкала.

Между тем уже давно ходили в Средней Азии легенды, что где-то в высотах Памира имеется камень лазурит, как его называли персы, что где-то там между синеющими снегами ледников и темно-синим небом Памира встречается на недоступных вершинах «Крыши мира» этот яркий синий самоцвет.

Об этом писали даже английские путешественники начала XVIII века, посещавшие с опасностью для жизни запретные месторождения Афганской земли; об этом говорили под секретом и старые таджики, заходившие во время охоты на труднодоступные вершины гор.

Все указывало, что месторождение синего камня должно быть где-то в верховьях бурной реки Шах-Дары, куда и отправились молодые геологи. Путь был исключительно труден. Узкая обрывистая тропа шла над левым берегом реки и после перевала, высотой почти три тысячи пятьсот метров, привела к небольшому кишлаку. Оставив здесь лошадей, группа на следующий день начала подниматься вверх по одному из потоков, который носил название Ляджуар-Дары, то есть реки лазурита. Носильщики, измученные дорогой, отказались идти дальше по хаотическому нагромождению камней. Началась борьба за синий камень.

И вот на темно-синем фоне чистого памирского неба, на высоте почти пяти тысяч метров, открылась белая поляна могучего ледника, покрытая громадными обломками, свалившимися с почти отвесной скалы из мрамора. Среди белоснежного мрамора в виде отдельных жил и гнезд виднелись большие куски лазурита, то кричаще синего цвета, то нежно-голубые, то с красивыми переходами в фиолетовые и зеленые тона.

Так впервые были открыты памирские месторождения настоящего темно-синего лазурита.

Да, геологи открыли их для науки, но местные жители знали о них еще раньше. Один из проводников рассказывал, что об этих месторождениях узнал он еще от своего отца.

На следующий год после этого открытия с громадным трудом была прорублена и проложена верблюжья тропа, и по ней из осыпи было вывезено шесть тонн прекрасного материала, изделиями из которого мог гордиться наш трест «Русские самоцветы». Дивный синий камень «Крыши мира» пополнил наши музеи.

Теперь мы знаем лазоревый камень Памира.

Как будто бы темно-синее небо пятикилометровых горных высот запечатлелось в этом замечательном камне, с которым Древний Восток связал так много таинственных легенд. (462 слова)

(По В. Пескову)

10 . Может ли время повернуть вспять?

То, что на сегодняшний день нам известно о строении Вселенной, позволяет считать, что ее энергия утекает вовсе не безвозвратно. Рано или поздно может случиться, что процесс поглощения вещества «черными дырами» может прекратиться, и тогда начнется обратный процесс – выход энергии и вещества наружу. Быть может, с этого момента время потечет вспять?

Правда, весь предыдущий опыт человечества пока говорит нам о том, что большинство событий и явлений, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни, не обладают обратимостью: человек может только стареть, разбитая чашка никогда уже не станет целой, молоко, разлившееся из опрокинутой бутылки, никогда не соберется в нее вновь.

В то же время многие явления обладают обратимостью: автомобиль может проехать сначала в одну сторону, а потом вернуться, день сменяется ночью, а потом снова приходит день, все молекулы участвуют в беспорядочном броуновском движении.

Откуда же возникает необратимость, если законы движения обратимы?

Об этом непростом вопросе не случайно говорят как о парадоксе обратимости. Споров было немало, пока Л. Больцман все-таки не нашел решение этой непростой проблемы. Вот ход его рассуждений.

Капля сиропа, расплывшаяся в воде, может снова собраться, тепло может перейти обратно к тому из брусков, который раньше был более горячим. Газы, выпущенные из двух баллонов в общий сосуд, могут когда-либо снова разделиться. Все эти процессы в принципе возможны хотя бы потому, что из свойств механического движения молекул следует, что возможны как перемешивание газов, так и обратный ему процесс. Ведь атомы и молекулы движутся хаотично, а раз имеется обратимость в движениях отдельных атомов, значит, возможно и обратимое поведение всего их сообщества. Категорического запрета на это нет. А то, что мы не наблюдаем их в повседневной жизни, говорит лишь о том, что обратные явления по сравнению с прямыми происходят очень и очень редко. Может случиться так, что за всю историю Вселенной нам не доведется их наблюдать, но это вовсе не значит, что они не могут происходить вообще.

Эту идею впоследствии поддержал известный исследователь профессор К.А. Козырев. Он предположил, что все знакомые нам законы движения – это лишь некоторая приближенная форма точных законов, которые еще предстоит открыть. И если в приближенных законах соблюдается обратимость, то точные законы будут обладать обратимостью, хотя, вполне возможно, она и будет выражена достаточно слабо.

Одним из итоговых выводов в данной области на сегодняшний день является положение о том, что направление времени связано с направлением большей части процессов во Вселенной.

Это предположение принадлежит английскому физiku Артуру Эддингтону. Он считал, что направление течения времени связано с расширением Вселенной, и назвал это явление «стрела времени». В тот момент, когда расширение сменится сжатием, может повернуться в другую сторону и «стрела времени».

Подобное предположение имеет под собой довольно много оснований, но в степени его достоверности ученым еще предстоит разобраться. Пока же мы можем лишь констатировать то, что, с точки зрения современной науки, движение времени вспять представляется вполне возможным. (452 слова)

(По С. Зигуненко)

11. Почему светятся звезды?

В 1953 году профессор Пулковской обсерватории Николай Александрович Козырев пришел к парадоксальному выводу, что в звездах вообще нет никакого источника энергии. Они живут, излучая тепло и свет, за счет прихода энергии извне.

Надо сказать, что для такого суждения были основания. Еще в 1850 году немецкий физик Р. Клазиус сформулировал постулат, который впоследствии был назван вторым законом термодинамики. Суть его в том, что теплота не может сама собой переходить от более холодного тела к более теплому.

Утверждение, казалось бы, самоочевидное: всем доводилось наблюдать, как, скажем, выключенный утюг постепенно становится все более холодным, но никто не видел, чтобы он вдруг стал нагреваться, забирая тепло из окружающего пространства. И все-таки против постулата Клазиуса в свое время выступали многие известные ученые, поскольку из утверждения немецкого физика вытекала неизбежность тепловой смерти Вселенной. Если все тела самопроизвольно охлаждаются, то в конце концов со временем все звезды погаснут и наступит так называемый конец света.

Сто с лишним лет назад два великих ума того времени – Гельмгольц и Кельвин – казалось бы, решили загадку. Звезды – это огромные сгустки газа. Сжимаясь под действием гравитации, они нагреваются до миллионов градусов и обогревают Вселенную. Но расчеты показали, что при такой схеме работы наше Солнце должно было израсходовать всю свою энергию задолго до того, как на Земле появились бы первые проблески жизни.

Затем наступила очередь другой точки зрения: звезды стали считать сначала ядерными, а потом термоядерными реакторами. Но и здесь не все гладко: эксперименты и расчеты показывают, что температура внутри Солнца меньше той, что требуется для поддержания термоядерной реакции. Таким образом, получается, что недостающую энергию звезды берут из окружающего пространства. Однако само по себе пространство не может быть источником энергии, поскольку оно для этого достаточно пассивно. Но, с другой стороны, пространство неотделимо от времени. Но тогда что же представляет собой само время? Не является ли оно своеобразным вечным двигателем Вселенной?

Мы помним, что второй закон термодинамики гласит: энергия из системы куда-то всегда утекает. Но есть и другой закон – закон сохранения энергии. Стало быть, энергия, или тепло, не исчезает бесследно, а во что-то переходит. Почему бы тогда не предположить, что она переходит во время или же передается ему? Но возвращает ли время полученную энергию?

Межзвездные расстояния достаточно велики, чтобы исключить влияние обычных силовых полей. На таких расстояниях работают только силы гравитации и время. Силы гравитации удерживают небесные тела в одной системе, а время, может статься, помогает им обмениваться энергией.

Таким образом, мы можем предположить, что время способно как передавать энергию, так и возвращать ее. Значит, энергия, распространяемая звездами, уходит от них во время-пространство, которое служит той кладовой, откуда светила черпают свою энергию. Все взаимосвязано в вечный круговорот, а стало быть, не стоит опасаться конца света: звезды будут гореть и согревать планеты, приобретая энергию из окружающего пространства-времени. И надо сказать, жизнь с каждым годом позволяет нам все более утверждаться в этой точке зрения. (457 слов)

(По С. Зигуненко)

12. Спираль времени

Как движется время? Большинство из нас скорее всего его ассоциирует с рекой, текущей из будущего в прошлое и никогда не поворачивающей свои воды вспять.

А вот древние греки так не считали. По мнению философа Прокла, время не подобно прямой линии, безгранично продолжающейся в обоих направлениях. Оно движется по кругу. Его течение устроено так, что конец соединяется с началом, а потому время бесконечно.

Эту точку зрения разделял и Платон. Ему даже удалось рассчитать, что длительность «великого года», то есть одного кольцевого цикла времени, равняется тридцати шести тысячам лет.

Сегодня мы знаем, что это не так. Но данная ошибка не мешает нам согласиться с другим выводом великого мыслителя. Платон верно предположил, что человек не ощущает время само по себе и что понятие об этой категории возникло благодаря наблюдениям за постоянными изменениями окружающего нас мира. То есть время ощущается нами потому, что существует движение.

Следовательно, если нет движения, то нет и времени. И тогда нам не стоит думать о том, в каком же направлении оно течет.

Такое решение данного вопроса предложил известный в древности любитель парадоксов Зенон Элейский, заявивший, что никакого движения в мире не существует. В подтверждение своего положения он высказал предположение, дошедшее до нас в пересказе Аристотеля.

Как мы представляем себе полет стрелы? Ее движение – это изменение положения в пространстве. Летящая стрела в разное время находится в разных местах. Но мы ведь живем мгновениями. Значит, в любое определенное мгновение стрела находится в определенном, единственном положении. Она присутствует в данном месте точно так, как если бы она покоилась здесь всегда. А значит, полагал Зенон, ее никоим образом нельзя отличить от другой стрелы, которая действительно может покоиться в данном месте. А если нельзя отличить движущуюся стрелу от покоящейся, то никакого движения не существует.

Это умозаключение вызвало большие толки в научном мире. Даже современные ученые так и не могут однозначно определить свое отношение как к самому Зенону, так и к его теориям.

Одни считают, что знаменитая загадка о стреле оказала громадное влияние на развитие науки. Другие же полагают, что это очень старая и глупая проблема.

Но каким бы ни было отношение к теориям Зенона, этого философа нужно поблагодарить уже за то, что он заставил ученых пристальнее всматриваться в окружающий мир, поставил вопросы, задевавшие за живое, и позволил продвинуть науку дальше. А она, в свою очередь, дала ответы на многие вопросы, в том числе и на вопрос о том, как движется время – по окружности или по прямой.

Аристотель, назвавший Зенона первым диалектиком, в стиле диалектики и ответил на этот вопрос. Он объединил круг и прямую, получив спираль. Правда, Аристотель не предлагал свое изобретение в качестве нового образа времени. Но спираль соединяет воедино то, что раньше казалось несопоставимым, что противопоставлялось друг другу, когда говорили о наглядном представлении времени.

Таким образом, наука о времени получила новый образ, физическое толкование которого предстояло найти последователям античных мыслителей. (458 слов)

(По С. Зигуненко)

13. Магия чисел

Сейчас нам трудно представить, что такая рациональная и точная наука, как математика, в древности была тесно связана с магией, религией и даже послужила средством для доказательства учения о бессмертии души. Но это факт, и мы не можем с ним не считаться.

Обожествление числа и связанная с этим мистика имеют длинную историю и своими корнями уходят в глубокую древность, хотя суеверия в отношении некоторых чисел, как известно, не перевелись и поныне. Оказали они влияние и на многих древнегреческих философов, прежде всего на Пифагора, по праву считающегося одним из отцов современной математики.

Традиционные взгляды на числа и их значение в мире и в самой жизни людей укрепляли веру Пифагора и его последователей в то, что числа и числовые отношения составляют основу Вселенной и всех вещей.

Наблюдения над периодически правильным движением небесных тел, над ритмической последовательностью смены дня и ночи и времен года через определенное количество единиц времени, установление соотношения между высотой тона звучащей струны и ее длиной – все это привело пифагорейцев к мысли, что между числовыми рядами и явлениями действительности имеется сходство, подобие, соответствие.

Религиозно-мистически настроенные пифагорейцы нашли источник его в божественных свойствах числа и числовых рядов. Они стали говорить, что вещи существуют как подражание числам. Отсюда и произошел знаменитый тезис Пифагора о том, что все сущее есть число. Он означал, что число составляет основу существования вещей, их материю. С другой стороны, пифагорейцы понимали число как то, что правит миром, определяет порядок вещей и их отношения. Вещи же подражают этому формирующему началу. Поэтому число, по мнению Пифагора, есть основа вещей, их душа и руководящий принцип.

Каждое из чисел имело для пифагорейцев сокровенный смысл и являлось символом каких-либо социально-этических явлений или религиозно-мифологических существ. Так, единица или десятка символизировали у них единство мира, его гармонию, совершенство. Число пять означало брак, так как его сумма мыслилась как результат сложения мужского и женского начал – тройки и двойки, хотя некоторые пифагорейцы утверждали, что брак - это число шесть, то есть мужское начало, умноженное на женское.

Сам же Пифагор особо почитал семерку. Он рассматривал ее как верховное число, которому придавал роль мироправящего начала, ибо все в мире семерично: основные сферы космоса, периоды повторяющихся в нем процессов, периоды жизни существ подчиняются числу семь. Семерка являлась также символом судьбы и самой судьбой.

Придя к подобным суждениям, пифагорейцы пытались постичь тайны мира через соотношения чисел и тем самым дали необычайно сильный толчок развитию математики.

Пифагору и его последователям принадлежит огромный ряд открытий в данной области знаний: от знаменитой теоремы до открытия иррациональных чисел и несоизмеримых величин.

Кроме того, требование точности и ясности в суждениях возникло в значительной степени на почве пифагорейской математики. Это требование способствовало развитию логики мышления и дедуктивного способа познания.

Но данные достижения в области математики возникли, как ни странно, на основе веры в религиозно-мистические свойства числа, так что математика и магия действительно приходятся несколько сродни друг другу. (460 слов)

(По Ф. Квиссиди)

14. Хохлома

Еще совсем недавно можно было услышать легенду о том, как пришла на волжскую землю хохлома и где она взяла свои огненные краски.

Рассказывают, жил в давние времена в Москве мастер-иконописец. Царь высоко ценил его мастерство и щедро награждал за труды. Любил мастер свое ремесло, но больше всего любил он вольную жизнь и поэтому однажды тайно покинул царский двор и перебрался в глухие леса.

Срубил он себе избу и стал заниматься прежним делом. Мечтал он о таком искусстве, которое стало бы родным всем, как простая русская песня, и чтобы отразилась в нем красота родной земли. Так и появились первые хохломские чашки, украшенные пышными цветами и тонкими веточками.

Слава о великом мастере разнеслась по всей земле. Отовсюду приезжали люди, чтобы полюбоваться на его мастерство. Многие рубили здесь избы и селились рядом.

Наконец дошла слава мастера и до грозного государя, и повелел он отряду стрельцов найти беглеца и привести. Но быстрее стрелецких ног летела народная молва.

Узнал мастер о своей беде, собрал односельчан и раскрыл им секреты своего ремесла. А утром, когда вошли в село царские посланцы, увидели все, как горит ярким пламенем изба чудо-художника. Сгорела изба, а самого мастера, как ни искали, нигде не нашли. Только остались на земле его краски, которые словно вобрали в себя и жар пламени, и чернь пепелища.

Исчез мастер, но не исчезло его мастерство, и до сих пор ярким пламенем горят хохломские краски, напоминая всем и о счастье свободы, и о жаре любви к людям, и о жажде красоты.

Видно, не простой была кисть мастера – кисть из солнечных лучей.

Такова легенда. Рассказывают ее всегда чуть-чуть по-разному, и каждый любознательный сможет прочитать ее в сборниках легенд и сказок Горьковской области. Как и во всякой легенде, в ней много вымысла, но ее правда в том, что большое мастерство и большое искусство сохраняются только тогда, когда передаются из рук в руки, от учителя к ученику.

В начале XX века крестьяне чаще покупали сделанную на заводах фарфоровую, фаянсовую и стеклянную посуду. У хохломских мастеров стало меньше покупателей. Да к тому же поредели окрестные леса, не одно столетие vyrубавшиеся для хозяйственных нужд и поделок.

Мастера создавали изделий все меньше и меньше, роспись становилась грубее и проще. Но разве можно было допустить, чтобы погубило это искусство, так полно и ярко отразившее душу создавшего его народа?

В 1918 году в городе Семенове открыли школу художественной обработки дерева, в которой стали учителями опытные токари и красильщики.

Профессиональный художник Георгий Петрович Матвеев возглавил школу. Обучение новых мастеров росписи длилось три года. Вначале они терпеливо повторяли образцы, сделанные для этой цели лучшими хохломскими художниками. Ученикам надо было «поставить руку» — добиться точности и быстроты в выполнении травных узоров.

Работы современных хохломских мастеров мы можем увидеть на художественных выставках и в экспозициях крупнейших музеев страны. Они радуют нас яркими красками, щедростью узоров и мастерством исполнения. (456 слов)

(По П. Беднику)

15. Концерт классической музыки

Среди многих постыдных поступков, которые я совершил в жизни, более всех памятен мне один. В детдоме в коридоре висел репродуктор, и однажды в нем раздался голос, ни на чей не похожий и чем-то меня раздражавший, наверное, как раз своей непохожестью.

— Ха! Орет, как жеребец! – сказал я и выдернул вилку репродуктора из розетки. Голос певицы оборвался. Ребяшня сочувственно отнеслась к моему поступку, поскольку был я в детстве самым певучим и читающим человеком.

Много лет спустя в Ессентуках, в просторном летнем зале, слушал я симфонический концерт. Все повидавшие и пережившие на своем веку музыканты крымского оркестра со славной, на муравьишку похожей, молоденькой дирижершей Зинаидой Тыкач терпеливо растолковывали публике, что и почему они будут играть, когда, кем и по какому случаю то или иное музыкальное произведение было написано. Делали они это вроде как бы с извинениями за свое вторжение в такую, как им казалось, перенасыщенную духовными ценностями жизнь граждан, лечащихся и просто так отдыхающих на курорте. И поэтому концерт классической музыки начали с лихой увертюры Штрауса, чтоб подготовить переутомленных культурой слушателей ко второму, более серьезному отделению.

Но и сказочный Штраус, и огневой Брамс, и кокетливый Оффенбах не помогли. Уже с середины первого отделения концерта слушатели, набившиеся в зал на музыкальное мероприятие только потому, что оно бесплатное, начали покидать зал. Да если бы они просто так его покидали, молча, осторожно. Так нет, покидали с возмущениями, выкриками, бранью, как будто обманули их в лучших вожделениях и мечтах.

Стулья в концертном зале стояли старые, венские, с круглыми деревянными сиденьями, сколоченные по рядам, и каждый гражданин, поднявшись с места, считал своим долгом возмущенно хлопнуть сиденьем.

Я сидел, ужавшись в себя, слушал, как надрываются музыканты, чтоб заглушить шум и ругань в зале, и мне хотелось за всех за нас попросить прощения у милой дирижерши в черненьком фраке, у оркестрантов, так трудно и упорно зарабатывающих свой честный, бедный хлеб, извиниться за всех нас и рассказать, как я в детстве совершил постыдный поступок, как выдернул вилку репродуктора.

Но жизнь — это не письмо, в ней возврата назад не бывает. Что из того, что певица, которую я оскорбил когда-то словом, была великой Надеждой Обуховой? Позднее она стала моей самой любимой певицей, и я не раз плакал, слушая ее.

Она-то, певица, уже никогда не услышит моего раскаяния, не сможет простить меня. Зато, уже пожилой и седой, я содрогаюсь от каждого хлопка и бряка стула в концертном зале. Меня бьет по лицу грубое слово в тот момент, когда музыканты изо всех сил, возможностей и таланта своего пытаются передать боль рано отстрадавшего близорукого юноши в беззащитных кругленьких очках.

Он в своей предсмертной симфонии, неоконченной песне своего измучившегося сердца, уже более века протягивает руки в зал и с мольбой взывает: «Люди, помогите мне! Помогите! Ну если мне помочь не можете, хотя бы себе помогите!» (448 слов)

(По В. Астафьеву)

16. Достоевский в Инженерном училище

Михаил Андреевич Достоевский довольно рано определил будущее двух старших сыновей, Михаила и Федора. Братьям предстояло стать военными инженерами. В то время это была профессия, обещающая им солидный доход и хорошие виды на будущее. Но сами они не чувствовали призвания ни к инженерному делу, ни к военной карьере как таковой. Их мечтой была литературная деятельность.

Встреча с Инженерным училищем стала для пятнадцатилетнего Федора Достоевского новым прозрением русской действительности. Федору было отказано в приеме на казенный счет, и отец должен был внести немалую сумму за обучение. Позднее Достоевский узнал, что несколько человек, сдавших вступительные экзамены хуже него, были приняты на казенный счет.

Дело было, конечно, в том, что преподаватели брали взятки за эти бесплатные места. «Какая подлость! – писал Достоевский отцу, узнав о причине отказа. – Это меня совершенно поразило. Мы, которые бьемся из последнего рубля, должны платить, когда другие – дети богатых – приняты безденежно. Бог с ними!» Брата же Михаила не приняли в училище по состоянию здоровья.

Оказавшись в стенах училища, Достоевский попал во многом в чуждый ему мир. Внешняя дисциплина была важнейшим атрибутом в этом заведении, в одинаковой степени являвшемся как инженерным училищем, так и военной школой. Страх и подхалимство перед старшими порождали садизм по отношению к младшим. Новички со стороны старших воспитанников подвергались насмешкам и издевательствам, походившим на пытки. Воздух училища был пропитан духом тщеславия и карьеризма. По словам Достоевского, он увидел «мальчиков тринадцати лет, уже рассчитавших свою жизнь: где, какой чин получить, что выгоднее, как деньги загребать».

Тем не менее Достоевскому удалось по-своему пережить этот непростой период в жизни. При малейшей возможности он погружался в имевшиеся у него книги, записывал интересные мысли, не оставляя надежды рано или поздно стать литератором. Строгий режим училища и муштра были тяжелыми препятствиями, но и их Достоевский научился преодолевать: он читал и работал по ночам, стал редактором и главным автором газеты, которая издавалась в училище. Он приобрел приятелей, вместе с которыми пытался отстаивать подвергавшихся нападкам преподавателей и воспитанников, хотя это не всегда удавалось. Но научился ли Достоевский военно-инженерному делу? Осенью 1838 года он потерпел неудачу на экзаменах и был оставлен на второй год. Однако в дальнейшем учеба наладилась.

Выпускные экзамены за высший офицерский класс были успешно сданы.

После окончания училища, получив звание полевого инженера-поручика, он начал служить в чертежной военно-инженерного департамента, где пробыл несколько месяцев вплоть до своего увольнения со службы. К этому времени он успел сделать чертеж крепости, забыв, как рассказывают, обозначить ворота.

Но в программу училища входило и гуманитарное образование. Хорошим было преподавание иностранных языков. Достоевский усовершенствовал свое знание французского и немецкого. Он посещал лекции по литературе и религии, по архитектуре и строительному искусству. Кроме того, он научился работать, несмотря на невозможные условия, и знал, что барабанная дробь означает отмену приказа. Это знание пригодилось ему, когда через шесть лет после выхода из училища, осужденный на смерть, он ждал исполнения приговора.

Достоевский также прошел и жестокую школу быть одиноким среди сверстников, хотя ему удалось выработать некоторые приемы, благодаря которым в конце концов он получал признание товарищей. Проблема одиночества, отверженности позднее стала одной из основных для многих его героев. (493 слова)

(По П. Воге)

17. Пушкин в Лицее

Лицей считался высшим учебным заведением. Профессора и все лицейское начальство смотрели на лицеистов как на взрослых студентов и предоставляли им полную свободу. Кто хотел учиться, тот учился, а кто не хотел, тот мог откровенно и безнаказанно предаваться лени.

Пушкин не был усердным школьником. Он охотно и даже с увлечением занимался только такими науками, которые ему были по душе. Он любил французскую, русскую словесность, историю, любил лекции профессора политических наук Куницына и пренебрегал другими.

Профессора почти единодушно отмечали его блистательное дарование и крайнее неприлежание. Особенно слаб он был в математике.

Вызвал раз его Карцов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцов спросил его наконец: «Что же вышло? Чему равняется x ?» Пушкин, улыбаясь, ответил: «Нулю». – «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи».

Начальство поощряло литературные опыты лицеистов. Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер – лицейские поэты – объединились в кружок, издавали рукописные журналы со стихами и карикатурами.

В Лицее была огромная библиотека. В ней были те самые книги, которые принадлежали когда-то Вольтеру. Эти книги, эту «заразу умов» Александр I получил в наследство от бабки своей Екатерины II и передал Лицею. Лицеисты часто собирались в библиотеке и читали насмешливые, гневные книги Вольтера и Руссо.

В Пушкине рос дух независимости, любовь к человеку, презрение к чинам. Не о генеральских чинах, не о богатстве мечтал Пушкин в Лицее. Он мечтал быть поэтом, чтоб огненным словом своим пробуждать в сердцах подлинно человеческие чувства.

Где бы он ни был – бродил ли он в уединении по царскосельскому парку с мраморными статуями, с белыми лебедями на дремлющем пруду, гулял ли по окрестным лугам, замыкался ли в «келье» своей, сидел ли в классе, – всегда в голове его теснились рифмы и образы поэм, посланий, эпиграмм.

Пушкин не давал покоя ни бумаге, ни гусиным перьям, писал и переделывал стихи почти ежедневно. Вместе с друзьями он выпускал лицейские журналы, номер за номером, с веселыми, задорными стихами. Живой и пылкий, он серьезные занятия перемежал с проказами и шалостями, оттого воспитателям казался легкомысленным, ленивым и крайне неприлежным. Но Пушкин не был лентяем. Все существо его всегда было в непрестанном действии, голова всегда полна мыслями, а сердце – чувствами.

В 1815 году на экзамен в Лицей приехал знаменитый, уже дряхлеющий поэт Державин. Шестнадцатилетний Пушкин в его присутствии читал свои стихи «Воспоминания в Царском Селе». Когда Пушкин дошел до строк, в которых упоминалось имя Державина, голос его зазвенел и сердце забилося с упоительным восторгом. Державин был в восхищении.

После экзамена министр народного просвещения граф Разумовский устроил торжественный обед, на котором присутствовал и Державин, и отец Пушкина Сергей Львович. За обедом разговор шел о поэтическом даровании Пушкина и о воспитанниках, только что переведенных с младшего курса на старший. Граф Разумовский, обращаясь к Сергею Львовичу, сказал:

— Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе.

— Оставьте его поэтом! — с жаром воскликнул Державин.

Так в Лицее Пушкин получил благословение на трудный путь. (480 слов)

18. Слово о Пушкине

Пушкин! С самим именем Пушкина у нас невольно связывается вздох облегчения, улыбка.

Для читающей России Пушкин своими солнечными стихами, можно сказать, утеплит ее климат. У веселого пушкинского очага мы греемся и сегодня, потому что ничего теплее Пушкина не было в русской культуре, не говоря о ее истории.

Два ярких, счастливых впечатления детства у меня связаны с именем Пушкина.

Александра Ивановна, наша старая учительница первых классов, читала нам «Капитанскую дочку». Как уютно было ее слушать, с какой невероятной радостью я ожидал появления Савельича, как хохотал над его вечно бунтующей преданностью. Его преданность доходила до того, что с невероятной комичностью оттесняла сам объект преданности. И барин Петруша ничего с этим не мог поделать.

Другое впечатление связано с моим случайным чтением «Песни о вещем Олеге».

Мне повезло: в комнате никого не было, а потому мне не стыдно было плакать сладостными слезами над судьбой вещего Олега. Мне было безумно жаль его, и я плакал. Но отчего же слезы были сладостны? Видимо, от музыки стихов, от правильности правды случившегося, оттого, что сам конь все-таки не виноват в гибели Олега. Опять преданность оказалась незапятнанной. Тогда я в первый раз столкнулся с веществом поэзии в чистом виде и на всю жизнь был потрясен этим.

Пушкин не только лучший поэт России, но и создатель первых лучших образцов русской прозы. Лев Толстой не раз высказывался по поводу прозы Пушкина, что, мол, слишком просто пишет, слишком голо. Хотя сам завершил свой путь как художник «Хаджи-Муратом» — вещью пушкинской прозрачности и простоты.

Сознательно или бессознательно настоящий художник создает вторую действительность, помогающую нам выжить в первой. Я думаю, более всего это удавалось Пушкину. По-моему, «Мороз и солнце — день чудесный...» — это не только прекрасные стихи, но и средство от простуды, и, что еще важнее, средство от депрессии. Все творчество Пушкина — средство от депрессии.

Пушкин гениален не только в том, что он написал, но даже в том, чего не написал. Он гениален в том, что сюжет «Ревизора» и «Мертвых душ» отдал именно Гоголю. Скажем прямо: так Пушкин об этом не мог бы написать, здесь Гоголь был сильнее. И Пушкин это понял. Но какая интуиция, какая общенациональная литературная стратегия! И сам Гоголь ничего лучшего не написал, чем эти вещи. Такое впечатление, что Гоголь, обожествлявший Пушкина, сделал все, чтобы доказать Пушкину, что он был достоин его доверия.

Пушкин не явился на голом месте, величайший скачок поэзии с появлением Пушкина есть необъяснимое чудо. При необыкновенном богатстве русской поэзии это чудо больше не повторилось. И нет ли в творениях Пушкина высшего знака для нас? Есть.

Пушкинская улыбчивость, пушкинская бодрость, пушкинская мудрость вооружают нас мужеством и надеждой, что в печальную историю нашей страны в конце концов прольется пушкинская гармония. Можно ли поверить, что явление Пушкина — случайная игра генов, некий коктейль природы из горячей Африки и холодной России? Такое скопление великих талантов в одном человеке не может быть случайным, а может быть только путеводной звездой. (465 слов)

(По Ф. Искандеру)

19. Поэзия Пастернака

Помнится, школьником, роюсь в груди книг, разбросанных на стойке сухумского букиниста, я вытащил книжку стихов с именем Пастернака на обложке. Имя мне ничего не говорило. Я уже собирался положить книгу на место, но тут старый букинист сказал:

— Берите, не пожалеете. Это современный классик.

Я тогда абсолютно не верил, что классик может быть современным. Но то ли для того, чтобы не обижать букиниста, то ли для того, чтобы показать ему, что я и сам разбираюсь в стихах, листанул книгу. Я впервые прочел стихотворение «Ледоход». Впечатление было ошеломляющее и странное. Оно даже не казалось мне поэтическим. Скорее, это было ощущение физического наслаждения, только с огромным избытком. Как будто в жаркий летний день я ловлю ртом лимонадный водопад. И вкусно, и слишком много.

Конечно, я купил эту книгу. Чуть позже, в студенческие времена, я доставал все его книги, которые были изданы к тому послевоенному времени. Я уже знал, что Борис Пастернак – поэт, не слишком угодный властям, что его подолгу не издавали, а еще раньше много ругали. В мое студенческое время его почти не трогали, во всяком случае, не помню статей, написанных против него. Можно подумать, что тогда обе стороны объявили перемирие и набирались сил, готовясь к грандиозному скандалу появления романа «Доктор Живаго». Но тогда до этого было далеко и никто об этом ничего не знал.

Общение с поэзией раннего Пастернака напоминает разговор с очень интересным человеком. Изумительные откровения прерываются невнятным бормотанием, и в процессе беседы мы догадываемся, что и не надо пытаться расшифровывать невнятицу, а надо просто слушать и наслаждаться понятным. Репутация малопонятого поэта сразу же установилась за Пастернаком. Кроме того, я думаю, его высокая, чисто музыкальная одаренность сыграла в этом свою роль.

Как известно, в юности Пастернак готовил себя в профессиональные музыканты, и его первые опыты были одобрены самим Скрябиным. Но он бросил музыку из-за какой-то мистической сверхчестности. У него не было абсолютного слуха, в чем он и признался композитору. Утешение Скрябина, что и у Чайковского, и у Вагнера тоже не было абсолютного слуха, не остановило его. Безумно любя музыку Скрябина, он ждал, что Скрябин назовет себя, так как у Скрябина тоже не было абсолютного слуха. По-видимому, абсолютный слух есть только у Бога и у настройщиков роялей.

Одним словом, юный Пастернак бросил музыку, но музыка его не бросила. Самые невнятные его стихи преимущественно музыкального происхождения, и слова тут играют роль мелодических обрывков.

Есть любители стихов, которым ранний Пастернак кажется интересней. И в этом есть доля истины. Развитие стиля и творческая победа не бывают без потерь.

В поздних стихах поэта мы не встретим ураганных ритмов, головокружительных образов, захлебывающихся импровизаций. Долгий путь послереволюционного развития таланта Пастернака действительно привел его к неслыханной простоте. Немыслимые страдания Родины, которые всегда были и его собственными страданиями, в конце концов укротили субъективность его творческой фантазии. Романтические водопады музыки ранних стихов сменились тихим журчанием подмосковных ручьев.

Поэт нашел своего большого читателя. Благородство силы заключается в чувстве равенства со слабым. И это единственное условие, при котором слабый может полюбить и, распрямляясь, дотягиваться до уровня духовной силы. (485 слов)

(По Ф. Искандеру)

20. О Шмелеве

Бомбили Париж. Было утро, когда недалеко от дома упали сразу четыре бомбы, превратив в развалины два здания напротив. Обычно Иван Сергеевич вставал рано, а тут залежался в постели. Это и спасло ему жизнь. Окна разбиты вдребезги, спинку его рабочего кресла насквозь изрешетили острые осколки. Маленький листок бумаги влетел в комнату и опустился прямо ему под ноги. Это была репродукция «Богоматерь с Иисусом» итальянского художника Балдовинетти.

Как залетела она сюда? Видимо, Царице Небесной было угодно сохранить жизнь русскому писателю-эмигранту, больному и одинокому. На следующий день в одном из православных храмов он отслужил благодарственный молебен. И – за работу.

Старается много писать, продолжает роман «Пути небесные», посвященный светлой памяти своей супруги Ольги Александровны. Студент юридического факультета Московского университета многим обязан в своем духовном становлении именно ей, худенькой, синеглазой девушке, дочери генерала Охтерлони, героя обороны Севастополя. Это она предложила свадебное путешествие не куда-нибудь, а на Валаам. А впоследствии вышла книга «На скалах Валаама». Вначале расходилась она вяло, почти весь тираж Шмелев продал за гроши букинистам. А перед Первой мировой войной ни у одного букиниста найти книгу было нельзя.

Был голодный 1921 год. Супруги Шмелевы ехали из Алушты на бревне, положенном поверх тележных колес. В Феодосии зарегистрировались в коммунальной столовой, чтобы можно было получать двести граммов хлеба в день. Как-то пришли, а столовая закрыта, хлеб кончился. И вдруг подошел человек, оглянулся по сторонам, тихо спросил: «Вы Шмелев? Это вы написали «Человек из ресторана»?» – и вложил ему в руку сверток. Хлеб! Целая буханка! Эта буханка была лучшим его гонораром.

Повесть «Человек из ресторана» сделала Шмелева известным. Талант был признан. И процветать бы ему, крепнуть на своей земле, питаться ее самобытными соками. Но в этом же страшном 1921 году расстреливают сына Сергея. Писатель в одночасье сгорбился, поседел, резко ухудшилось зрение.

Шмелевы уезжают за границу.

Эпопеей «Солнце мертвых» начался эмигрантский период его творчества. Это одна из самых трагических книг за всю историю человечества, которая рассказывает об одичании людей в братоубийственной войне. «Читайте, если у вас хватит смелости», – так сказал о «Солнце мертвых» Томас Манн, немецкий писатель.

Жизнь во Франции благополучной не получилась: Шмелев часто болеет, много страдает от критики нового времени, тоскует по России. В 1936 году умерла жена Ольга Александровна. Горе сломило писателя. Сорок один год они не разлучались. Однажды в порыве страшной тоски воскликнул, обращаясь к жене: «Чувствуешь ли ты, как я одинок?! Ответь каким-нибудь знаком, чтобы я знал, что ты меня слышишь». Через несколько дней он получил письмо от незнакомой женщины. «Не думайте, что Вы одиноки...» – так начиналось оно. И подпись: Ольга Александровна. Письмо пришло в день рождения его жены.

Потянулись годы одиночества. Друзья и читатели поддерживали старого, больного писателя, присылали посылки. В последние годы ему хотелось монастырского покоя и тишины, неспешной молитвы и тихих праздников. И семидесятишестилетний Иван Сергеевич Шмелев летом 1950 года отправляется в монастырь близ Парижа.

Наконец-то! Распаковал вещи, распахнул окно в зелень монастырского сада, постоял, вдыхая свежий воздух летнего вечера под негромкий колокольный звон. И спустя несколько часов умер. Так в ликование душевном закончилось его Господне лето. (486 слов)

(По Н. Сухининой)

21. «Вечерний альбом»

В конце 1910 года вышел в свет первый сборник стихов Марины Цветаевой.

Увидев готовую книгу, Марина испытала некоторый прилив тщеславия. Достаточно ли быть напечатанной, чтобы заявить себя поэтом? Двести двадцать шесть страниц. Название набрано жирным шрифтом — «Вечерний альбом». Пониже можно прочесть заголовки разделов: «Детство», «Любовь», «Толькотени». И действительно, здесь можно найти отголоски ее детских и отроческих заблуждений и метаний.

Когда «Вечерний альбом» попал на прилавки книжных магазинов, Марина Цветаева еще прилежно посещала гимназию. Никто из окружающих и не подозревал, что у восемнадцатилетней гимназистки вышла книга. Даже отец, профессор Цветаев, поглощенный приготовлениями к открытию созданного им Музея изящных искусств, не пытался узнать, правдивы ли слухи о том, что его старшая дочь намерена посвятить себя литературной карьере.

Марина ничуть не страдала от этого заговора молчания вокруг своего первого творения. Наоборот, это ее успокаивало. Гордая и застенчивая девушка смертельно боялась, что ее вытащат из тени. Всякая шумиха, любые пересуды наводили на нее ужас.

Однако среди разнообразия книжной продукции этого времени некоторые критики заметили книгу, написанную никому не известной поэтессой, чья фамилия так прелестно напоминала слово «цветок». Максимилиан Волошин в московской газете «Утро России», обзревая женскую поэзию, посвятил «Вечернему альбому» теплые строки, говоря, что он очарован гармонией наивного стиха.

Никто не сообщил Марине о появлении этой рецензии, подписанной тридцатитрехлетним и вполне авторитетным поэтом. Не подозревая о реакции на свою первую книгу, она думала только о том, что надо писать новые стихи, не заботясь ни о своем будущем, ни о будущем своих произведений.

Как-то декабрьским вечером 1910 года в цветаевском доме в Трехпрудном переулке раздался звонок. Марина открыла дверь, думая, что это кто-то из друзей семьи. Но перед ней предстал незнакомец и сразу представился:

— Макс Волошин. Можно мне видеть Марину Цветаеву?

— Я.

— Вы читали мою статью о вас?

— Нет!

— Я так и думал и потому принес ее вам. Она уже месяц как появилась.

Пока Марина пробежала глазами хвалебную статью, Волошин внимательно изучал ее лицо. Заметно было, что статья взволновала юную поэтессу.

Они стали говорить о поэзии. Имена иностранных поэтов звучали рядом с именами русских поэтов-современников. Когда Волошин удивился, неужели Марине было не любопытно просмотреть прессу после выхода «Вечернего альбома», она призналась: «Я газет не читаю и никого не вижу. Мой отец до сих пор не знает, что я выпустила книгу. Может быть, знает, но молчит. И в гимназии молчат». Улыбнувшись последнему замечанию, гость вежливо поинтересовался: «А что вы делаете в гимназии?», на что получил мгновенный ответ: «Пишу стихи». Волошин сразу же попросил ее прочесть несколько стихотворений. Тронутая его интересом, она повиновалась.

Марина читала строфы, где было взвешено каждое слово, голос ее дрожал, глаза горели. Волошин был покорен. А на следующий день прислал Марине стихи, в которых называл ее книгу «утренней благостной вестью», чудом.

Небольшой сборник стихов открыл дверь Марине Цветаевой в большую поэзию.
(448 слов)

(По Анри Труайя)

22. Гиляровский

Ничто не может дать такого живого представления о прошлом, как встреча с его современником, особенно с таким своеобразным и талантливым, каким был Владимир Александрович Гиляровский — человек неукротимой энергии и неудержимой доброты. Прежде всего в Гиляровском поражала цельность и выразительность его характера. Если может существовать выражение «живописный характер», то оно целиком относится к Гиляровскому. Он был живописен во всем: в своей биографии, в манере говорить, в ребячливости, в разносторонней бурной талантливости.

По строю своей души Гиляровский был запорожцем. Недаром Репин написал с него одного из своих казаков, пишущих письмо турецкому султану, а скульптор Андреев лепил с него Тараса Бульбу для барельефа на своем превосходном памятнике Гоголю.

Гиляровский был воплощением того, что мы называем широкой натурой. Это выражалось у него не только в необыкновенной щедрости, доброте, но и в том, что от жизни Гиляровский тоже требовал многого. Если красоты земли, то уж такие, чтобы захватывало дух, если работа, то такая, чтобы гудели руки, если бить — так уж бить сплеча.

Среди многих свойств таланта было одно, которое покоряло всех, — это ребячливость. Гиляровский был неистощим на мальчишеские выдумки. Однажды он придумал послать письмо в Австралию какому-то вымышленному адресату, чтобы, получив это письмо обратно, можно было судить (по множеству почтовых штемпелей), какой удивительный и заманчивый путь прошло оно.

Гиляровский происходил из исконной русской семьи, отличавшейся строгими правилами и установленным из поколения в поколение неторопливым бытом. Естественно, что в такой семье рождались люди цельные, крепкие, физически сильные. Гиляровский легко ломал пальцами серебряные рубли и разгибал подковы. Однажды он приехал погостить к отцу и, желая показать свою силу, завязал узлом кочергу. Отец не на шутку рассердился на сына за то, что тот портит домашние вещи, и тут же в сердцах развязал и выпрямил кочергу.

Естественно, что человек такого размаха и своеобразия, как Гиляровский, не мог оказаться вне передовых людей своего времени. С Гиляровским дружили Чехов, Куприн, Бунин и многие писатели, актеры и художники.

Но, пожалуй, Гиляровский мог гордиться больше, чем дружбой со знаменитостями, тем, что был широко известным и любимым среди московской бедноты. Хитровцы любили его как своего защитника, как человека, который один понимал всю глубину хитрованского горя.

Никто из писателей не знал так всесторонне Москву, как Гиляровский. Было удивительно, как может память одного человека сохранять столько историй о людях, улицах, рынках, церквях, площадях, театрах, садах, трактирах.

Каждому времени нужен свой летописец не только в области исторических событий, но и в области быта, уклада. Летопись быта с особой резкостью и зримостью приближает к нам прошлое. Чтобы до конца понять хотя бы Льва Толстого или Чехова, мы должны знать быт того времени. Даже поэзия Пушкина приобретает свой полный блеск лишь для того, кто знает быт пушкинского времени. Поэтому так ценны для нас рассказы таких писателей, как Гиляровский.

Есть люди, без которых трудно представить себе существование общества и литературы. Таким был Владимир Александрович Гиляровский — поэт, писатель, знаток Москвы и России, человек большого сердца, чистейший образец талантливости нашего народа. (469 слов)

(По К. Паустовскому)

23. Качалов

Трудно рассказать в нескольких словах, какое место занимает в жизни моего поколения Василий Иванович Качалов. От спектакля до спектакля мы бережно хранили в памяти каждую его интонацию, каждый его жест, исполненный благородной простоты и свободы. Но всякий раз, когда мы видели Качалова на сцене, он казался нам неожиданным и новым.

Бывая в Москве по делу или проездом, мы считали невозможным упустить случай попасть в Художественный театр, чтобы увидеть Качалова. Часто случалось нам во время поездок в Москву встречать на ее улицах высокого, статного, неторопливого человека, всегда со вкусом одетого, — артиста с головы до ног. Шел он обычно один, занятый своими мыслями, немного рассеянный. Походка его была легкой и твердой, даже в том возрасте, который называют преклонным. Годы мало отражались на его облике. До конца дней сохранил он и внешнюю молодость, и молодой интерес ко всему новому.

Пожалуй, среди актеров, которых я знал на своем веку, никто так не любил и не чувствовал слова, как Василий Иванович Качалов. Никто не умел передавать с такой свободой и точностью лучшие поэтические страницы Льва Толстого, Чехова, Горького, сонеты Шекспира, мужественное слово Маяковского. Это был актер-поэт.

Помню, мы встретились с ним в санатории в Архангельском, в бывшем имении Юсупова, которому Пушкин посвятил свою оду «К вельможе». В руках у Качалова была книжка. Он раскрыл книгу, надел пенсне и принялся неторопливо читать, едва скользя глазами по строчкам.

Это были два маленьких рассказа Горького «Могильщик» и «Садовник». Первые строчки рассказа Качалов прочел ровным, спокойным голосом, не играя, а именно читая. Но вот книга отодвинута, пенсне сброшено, и вместе со стеклами исчез знакомый нам качаловский облик. Перед нами предстал одноглазый кладбищенский сторож Бодрягин, страстный любитель музыки. Горький нежданно осчастливил героя щедрым подарком — гармоникой. Захлебнувшись от радости, Бодрягин не говорит, а будто выдыхает слова.

Василий Иванович перелистывает еще несколько страниц книги. На смену кладбищенскому сторожу является садовник — обстоятельный, деловитый, в чистом переднике, то с лопатой, то с лейкой, то с большими ножницами в руках. Дело происходит в различные месяцы 1917 года в Петрограде, в Александровском саду. Под треск пулеметной стрельбы, под грохот и рев пролетающих мимо грузовых машин садовник неуклонно и добросовестно занимается своим хозяйством, да при этом еще по-отцовски поучает пробегающего по саду солдата:

— Ружье-то почистил бы, заржавлено ружье-то.

Качалов читал все это, вернее играл, с такой необыкновенной точностью памяти и наблюдения. И дело было не только в таланте и мастерстве большого актера. Главное было в том, что рассказы Горького читал его современник, родственно переживший с ним одни и те же события, мысли и чувства, повидавший на своем веку те же города, те же дороги, тех же людей.

Василий Иванович закрыл книжку и превратился в прежнего Качалова — спокойного, холодно-любезного, слегка рассеянного. А когда он ушел, пожилой военный врач, приехавший на несколько дней с фронта, сказал мне:

— Вот уж никак не думал, что попаду на качаловский концерт, да еще такой блестящий.

Ведь это тот самый Василий Иванович Качалов, ради которого я в студенческие годы простаивал ночи у театральных касс. Иной раз продрогнешь, промокнешь под дождем, а все стоишь. Может быть, посчастливится получить билетик на галерку! (496 слов)

(По С. Маршаку)

24. Анна Павлова

Было морозное январское утро 1881 года, когда у бедной швеи, подрабатывающей иногда стиркой, родилась девочка. Ее крестили и нарекли Анной в честь святой, праздник которой в тот день значился в церковном календаре. А когда Анне исполнилось восемь лет, мать объявила, что они поедут в Мариинский театр.

Увиденное и услышанное потрясло воображение девочки. Во втором акте группа мальчиков и девочек танцевала «Вальс цветов».

— Хотела бы ты так танцевать? – спросила мама Анну.

— Нет. Я хочу танцевать так, как та красивая дама, что изображает Спящую Красавицу. Когда-нибудь и я буду так танцевать, и в этом же театре.

Мать посмеялась, назвала дочь глупенькой, не подозревая, что та уже нашла свое призвание в жизни. После слез и настоятельных просьб мать повела девочку в балетную школу. В тот год ее не приняли. Но в десять лет она все же стала ученицей Императорской балетной школы.

Первые гастроли в Европе принесли Анне Павловой небывалый успех. После одного из представлений в Стокгольме до самого отеля за экипажем Павловой молча шла толпа зрителей. Люди не аплодировали, не переговаривались, не желая нарушать отдыха артистки. Никто не ушел и тогда, когда балерина скрылась в отеле. Павлова недоумевала, как ей поступить, пока горничная не подсказала, что нужно выйти на балкон и поблагодарить зрителей. Анну встретили бурей рукоплесканий. Она только кланялась. А потом бросилась в комнату, вытащила корзину, подаренную в тот вечер, и стала бросать в толпу цветы: розы, лилии, фиалки, сирень.

Когда французский композитор Сен-Санс увидел Павлову, танцующую его «Лебедя», он добился встречи с ней, чтобы сказать: «Мадам, благодаря вам я понял, что написал прекрасную музыку!»

Небольшая хореографическая композиция «Умиращий лебедь» стала ее коронным номером. Исполняла она его совершенно сверхъестественно. На сцену, огромную или маленькую, спускался луч прожектора и следовал за исполнительницей. Спиной к публике на пуантах появлялась фигурка, одетая в лебяжий пух. Она металась в замысловатых зигзагах предсмертной агонии и не спускалась с пуантов до конца номера. Силы ее ослабевали, она отходила от жизни и покидала ее в бессмертной позе.

Павлова была чрезвычайно суеверной. Она подмечала приметы: боялась грозы, встречи со священником, пустых ведер, черных котов. То, что для других было пустяком, для нее превращалось в какой-то особый, тайный знак. Однажды в гостях, заглядевшись на огромный куст чайных роз, она сказала: «Вот, когда этот куст умрет, и я умру. Это так. Я точно знаю». На следующий год она спешила на гастроли в Гаагу. По дороге простудилась.

Легкий насморк перенесла на ногах, затем — воспаление легких. Странно, но слова Анны Павловой по поводу куста роз оказались пророческими. Когда она заболела, цветы покрылись ржавыми пятнами и погибли в несколько дней. Через три дня, не дожив восьми дней до своего пятидесятилетия, умерла и великая русская балерина.

Последний раз, приподнявшись в постели, будто готовясь встать, она отчетливо и строго, как всегда распоряжаясь, сказала: «Приготовьте мне костюм Лебедя». (451 слово)

(По С. Шевцовой)

25. Улыбка Моны Лизы

Поздняя ночь опускается на улицы Флоренции. Город делается похож на огромный корабль без огней.

— Если синьора хочет, я расскажу ей сказку, – говорит Леонардо.

Она кивнула утвердительно головой и приготовилась слушать. А Леонардо вспомнил любимую сказку бабушки Лючии.

Случилось это очень давно, когда еще не было положено ни одного камешка в постройки нашей Флоренции, не было и Рима. Жил-был один бедный человек, и у него было четыре сына: три умных, а один и так и сяк, ни ума, ни глупости. Любил слушать и думать про себя, а ночью смотреть на звезды. И вот пришла за отцом смерть. Перед тем как расстаться с жизнью, он призвал к себе детей и говорит: «Сыны мои, скоро я умру. Как только вы меня схороните, закройте хижину и идите на край света добывать себе счастье. Пусть каждый чему-нибудь научится, чтобы мог кормить сам себя».

Отец умер, а сыновья, похоронив его, пошли на край света добывать свое счастье.

Прошло три года, и, помня уговор, вернулись братья с края света на полянку родной рощи. Пришел первый брат. Он научился плотничать. От скуки срубил дерево, обтесал его и сделал из него женщину. Вернулся второй брат, увидел деревянную женщину, и так как он был портной, то сейчас же, в одну минуту, как искусный мастер, сделал ей красивую шелковую одежду. Пришел третий сын, украсил деревянную девушку золотом и драгоценными камнями. Ведь он был ювелир и сумел накопить большое богатство. И пришел четвертый брат. Он не умел ни плотничать, ни шить — он умел только слушать, что говорит земля, говорят деревья, травы, звери и птицы, знал ход небесных планет и еще умел петь чудесные песни. Он увидел деревянную девушку в роскошной одежде, в золоте и драгоценных камнях. Но она была глуха и нема и не шевелилась. Тогда он собрал все свое искусство и запел прекрасную песню, от которой плакали притаившиеся за кустами братья, и песней этой вдунул душу в деревянную женщину. Она улыбнулась и вздохнула.

Тогда братья бросились к ней, и каждый кричал одно и то же:

— Я тебя создал, ты должна быть моей женою!

— Ты должна быть моей женою, я тебя одел!

— Я тебя сделал богатой, ты должна быть моей женою!

Но женщина отвечала:

— Ты меня создал – будь мне отцом. Ты меня одел, а ты украсил – будьте мне братьями. А ты, что вдохнул в меня душу и научил радоваться жизни, будешь мне мужем на всю жизнь.

Кончив сказку, Леонардо взглянул на Мону Лизу. Что сделалось с ее лицом! Оно будто озарилось светом, глаза сияли. Потом, точно пробудившись от сна, она вздохнула, провела по лицу рукою и без слов пошла и села на свое место, сложила руки и приняла обычную позу.

Улыбка блаженства, медленно исчезая с ее лица, осталась в углах рта и трепетала, придавая лицу загадочное и чуть лукавое выражение, как у человека, который узнал тайну и, бережно храня ее, не может сдержать торжество.

И Леонардо молча работал, боясь упустить этот момент, этот луч солнца, осветивший его Мону Лизу. (477 слов)

(По Ал.Алтаеву)

26. О Ландау

Он родился в 1908 году в Баку в семье преуспевающего инженера-нефтяника. Читать и писать Леву научила мама, она рано заметила необыкновенные способности сына. Мальчик прекрасно учился, в двенадцать лет уже умел дифференцировать, в тринадцать – интегрировать, но потом, когда гимназию закрыли, Лев год сидел дома. Мать стала твердить сыну, что от безделья человек превращается в ничтожество, увядает. Ее слова возымели совсем не то действие, на которое она рассчитывала. Мальчик и без того страдал от насмешек сверстников, потому что был хил и слаб, а тут решил, что жизнь не удалась и лучше все это разом покончить. Он уже обдумывал, каким способом это сделать, когда ему в руки попал роман французского писателя Стендаля «Красное и черное». Эта книга буквально перевернула его жизнь. Он понял, что человек может стать настолько сильным, что в его власти будет решать свою судьбу.

Выучив, подобно своему герою Сорелю, наизусть страницу газетного текста, Лев решил впредь учить не нудные статьи, а стихи. Так родилась любовь к поэзии. В зрелые годы он часто декламировал своих любимых поэтов: по-видимому, стихи помогали ему отключаться от привычных дум. И все это способствовало развитию памяти. Леву достаточно было прочитать стихотворение три-четыре раза, и он запоминал его навсегда.

Окружающие заметили происшедшие в нем перемены. Они решили, что мальчик взрослеет. Никому и в голову не могло прийти, что он пережил. Постыжение святых и вечных истин далось ему нелегко, он умел держать себя в узде. Ни в чем не давал спуску.

В четырнадцать лет Лев Ландау блестяще сдал вступительные экзамены в Бакинский университет. Он был самым молодым студентом. Но после первой же сессии заслужил уважительное отношение и однокурсников, и преподавателей, а спустя два года преподаватели посоветовали его матери перевести сына в Ленинград.

Шестнадцатилетним юношей Лев Ландау попал в северную столицу и очутился в центре студенческой жизни. За полгода до окончания университета была опубликована его первая научная работа, и вскоре в числе лучших молодых научных работников Лев Ландау был послан в длительную заграничную командировку для пополнения образования.

За границей Ландау много работал и приобрел известность в научных кругах. Ему не раз предлагали остаться работать в лучших европейских университетах, но он неизменно отвечал отказом: «Нет, я вернусь в свою рабочую страну, и мы создадим лучшую в мире науку».

Главное в Ландау – фантастическая работоспособность и научная честность. В теоретической физике Ландау знал все. Было время, когда его ученики не всегда могли понять работы друг друга, он же понимал всех.

По окончании занятий его ожидала целая толпа студентов, он подолгу беседовал со своими учениками, отвечал на их вопросы.

Это было общение с людьми, без которого Ландау не мог жить. Недаром впоследствии, выводя свою формулу счастья, он сделает общение одной из трех составляющих счастливой жизни. Ландау любили и уважали коллеги и ученики. При его энергии и силе внушения он умел растормошить человека, заставить его отбросить лень. Он пробуждал желание жить и работать. (462 слова)

(По М. Бессара)

27. Размышляя о Вселенной

Мы живем в странной и замечательной Вселенной. Неординарное воображение требуется, чтобы оценить возраст ее, размеры, неистовство и даже красоту. Место, занимаемое людьми в этом безграничном космосе, может показаться ничтожным. И все же мы пытаемся понять, как устроен весь этот мир и как мы, люди, смотримся в нем.

Несколько десятилетий назад известный ученый выступал с публичной лекцией по астрономии. Он рассказал, что Земля обращается вокруг Солнца, а оно – вокруг звездной системы, называемой нашей Галактикой. В конце лекции маленькая пожилая леди, сидевшая в задних рядах, встала и заявила:

— Вы рассказали нам здесь полную ерунду. В действительности мир – это плоская плита, покоящаяся на спине гигантской черепахи.

Улыбнувшись с чувством превосходства, ученый спросил:

— А на чем стоит черепаха?

— Вы очень умный молодой человек, очень, – ответила старая леди. – Она стоит на другой черепахе, и так дальше, до бесконечности!

Сегодня большинство людей нашло бы довольно смешной такую картину Вселенной. Но что заставляет нас думать, будто мы знаем больше? Забудьте на минуту то, что вы знаете о космосе. Вглядитесь в ночное небо. Чем представляются вам все эти светящиеся точки? Может, это крошечные огоньки? Нам трудно догадаться, чем они на самом деле являются.

Если вы часто наблюдаете за ночным небом, то, вероятно, замечали в сумерках над самым горизонтом ускользящую искорку света. Это Меркурий – планета, разительно отличающаяся от нашей собственной. Сутки на Меркурии длятся более полугода. На солнечной стороне температура зашкаливает за плюс четыреста, а глубокой ночью падает почти до минус двадцати.

Но как бы ни отличался Меркурий от нашей планеты, еще труднее вообразить обыкновенную звезду – колоссальное пекло, ежегодно сжигающее миллионы тонн вещества и разогретое в центре до десятков миллионов градусов.

Другая вещь, которая с трудом укладывается в голове, – это расстояния до планет и до звезд. Древние китайцы строили каменные башни, чтобы увидеть их поближе. Расстояния эти настолько велики, что нет смысла выражать их в привычных единицах – метрах или километрах. Вместо них используют световые годы (световой год – путь, который свет проходит за год).

Ближайшая к нам звезда удалена примерно на четыре световых года. Это так далеко, что самый быстрый из проектируемых ныне космических кораблей летел бы к ней около десяти тысяч лет.

Еще в древности люди пытались постичь природу Вселенной, но они не обладали возможностями, которые открывает современная наука, в частности математика. Сегодня мы располагаем мощными технологическими инструментами вроде компьютеров и телескопов. С их помощью ученые собрали воедино огромное количество сведений о космосе.

Но что мы действительно знаем о Вселенной и как мы это узнали? Откуда она появилась? Имела ли начало? Можно ли вернуться назад во времени?

Недавние крупные физические открытия, сделанные отчасти благодаря новым технологиям, предлагают ответы на некоторые из этих давних вопросов. Возможно, когда-нибудь эти ответы станут столь же очевидными, как обращение Земли вокруг Солнца, или, быть может, столь же курьезными, как башня из черепах.

Только время это покажет. (452 слова)

(По Стивену Хокингу)

28. Как говорить?

Неряшливость в одежде – это прежде всего неуважение к окружающим вас людям, да и неуважение к самому себе. Дело не в том, чтобы быть одетым щегольски. В щегольской одежде есть, может быть, преувеличенное представление о собственной элегантности, и по большей части щеголь стоит на грани смешного. Надо быть одетым чисто и опрятно, в том стиле, который больше всего вам идет, который соответствует вашему возрасту.

А как расценивать отношение к языку, которым мы говорим? Язык ведь в большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе.

Есть разного рода неряшливости в языке человека. Если человек родился и живет вдали от города и говорит на своем диалекте, в этом никакой неряшливости нет. Диалекты часто бывают неиссякаемым источником обогащения русского литературного языка. Иное дело, если человек долго живет в городе, знает нормы литературного языка, а сохраняет формы и слова своей деревни. Это может быть оттого, что он считает их красивыми и гордится ими. Пусть он и окает, и сохраняет свою привычную напевность. В этом заключается гордость своей родиной – своим селом. Это вовсе не плохо, и человека это не унижает. Это так же красиво, как забытая сейчас косоворотка, но только на человеке, который ее носил с детства, привык к ней. Если же он надел ее, чтобы покрасоваться в ней, показать, что он истинно деревенский, то это и смешно, и цинично: мол, глядите, каков я, плевать я хотел на то, что живу в городе. Хочь быть непохожим на всех вас!

Бравирование грубостью в языке, как и бравирование грубостью в манерах, неряшеством в одежде, – распространенное явление, и оно в основном свидетельствует о психологической незащищенности человека, о его слабости, а вовсе не о силе. Говорящий стремится грубой шуткой, резким выражением, иронией, циничностью подавить в себе чувство страха, боязни, иногда просто опасения. Это происходит полусознательно, не говоря о том, что это признак невоспитанности, неинтеллигентности, и иногда и жестокости.

В основе любых жаргонных, циничных выражений и ругани лежит слабость. «Плюющиеся словами» люди потому и демонстрируют свое презрение к тем жизненным явлениям, которые их травмируют, потому что эти явления их беспокоят, мучают, волнуют, и люди чувствуют себя слабыми, не защищенными против них.

По-настоящему сильный, здоровый и уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо.

Наш язык – это важнейшая часть нашего общего поведения в жизни. И по тому, как человек говорит, мы сразу и легко можем судить о том, с кем мы имеем дело: мы можем определить степень интеллигентности человека, степень его психологической уравновешенности, степень его возможной «закомплексованности».

Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно – прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. Но хоть и трудно – это надо. Наша речь – важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она затягивает. (464 слова)

(По Д. Лихачеву)

29. О русской интеллигенции

Что такое интеллигенция? Как я ее вижу и понимаю? Понятие это чисто русское, и содержание его преимущественно ассоциативное, эмоциональное. Я пережил много исторических событий, посмотрелся чересчур много удивительного и поэтому могу говорить о русской интеллигенции, не давая ей точного определения, а лишь размышляя о тех ее лучших представителях, которые, с моей точки зрения, могут быть отнесены к разряду интеллигентов.

К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам.

Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка. Если он меняет убеждения по соображениям выгоды, то это высшая безнравственность.

Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим смутным временем, и мой долг человека – свидетеля XX века – восстановить справедливое к ней отношение.

Какими высокими и мужественными интеллигентами были интеллигенты из потомственных дворян! Я часто вспоминаю Георгия Михайловича Осоргина, расстрелянного 28 октября 1929 года на Соловках. Он уже находился в камере смертников, когда к нему неожиданно для соловецких властей приехала жена, урожденная Голицына. Неожиданность произошла от полного беспорядка в тогдашних лагерях: власти на материке не знали, что по своему произволу предпринимали начальники на острове. Так или иначе, но под честное слово дворянина Осоргина выпустили из камеры смертников на свидание с женой, обещав не говорить ей, что его ожидает. И он выполнил свое обещание, данное палачам. Через год после краткого свидания Голицына уехала в Париж, не зная, что на следующий же день Георгий Михайлович был зверски расстрелян.

Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося сразу же после пришествия к власти большевиков.

Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разгонялся Петроградский университет, как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политграмота. Детей интеллигенции вообще не принимали в вузы. И тем не менее в университетских городах возникали кружки самообразования. Петербургские профессора читали лекции на дому, издавали свои работы за собственный счет.

Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность в науке и творчестве. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полузнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле.

Вопрос о нравственных основах интеллигентности очень важен. Совесть не только ангел–хранитель человеческой чести. Это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, а указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной. (455 слов)

(По Д. Лихачеву)

30. Любите читать!

Каждый человек обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой. Основной, но, разумеется, не единственный способ своего интеллектуального развития – чтение.

Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время – величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки. Чтение, для того чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником и другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми. Но все это дается только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится и вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать.

У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку, то посмеяться, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-либо другим.

«Бескорыстному» чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Леонид Владимирович приходил в класс, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя и радоваться предстоящему. Так мы прослушали многие места из «Войны и мира», «Капитанской дочки», былинку о Добрыне Никитиче, басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда в детстве.

Умейте читать не только для школьных ответов. Умейте читать с интересом и не торопясь. Сядьте с книгой поудобнее, и вы поймете, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи. Определите сами свой выбор, сообразуясь с тем, какую роль приобрела выбранная вами книга в истории человеческой культуры, чтобы стать классикой.. Это значит, что в ней что-то существенное есть. А может быть, это существенное для культуры человечества окажется существенным и для вас?

Классическое произведение – то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суетны. Суетность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, — свое время. (460 слов)

(По Д. Лихачеву)

31. Колокольный звон

Любила Русь колокольный звон. Колокола звучали в дни торжеств и бед народных. Многие века колокольный звон сопутствовал народной жизни: оповещал о приближении врага, созывал ратников на битву, был криком о помощи во время бедствия, приветствовал победоносные полки, вносил в праздники веселье и торжественность.

Радостным мелодичным звоном встретила Москва воинов, возвратившихся с Куликова поля. Под колокольный звон проходили по Москве ополчения Минина и Пожарского, изгнавшие интервентов из столицы. Колокол созывал вольнолюбивых новгородцев на вече, на котором решались судьбы Отечества.

Колокола обычно изготовлялись в пушечных мастерских. Пушечных дел мастера лили преимущественно крупные колокола, а колокольники (была и такая специальность), как правило, отливали мелкие звоны и била. Литье колоколов и бил считалось почетным делом. Когда отливался большой колокол, то летописец заносил это событие в свою хронику, не забывая упомянуть и имя мастера литейного дела.

С колоколами были связаны самые различные поверья. Когда, например, приступали к литью крупного колокола, то нарочито распускали ложный слух. Надо было выдумать что-нибудь совершенно маловероятное, чтобы молва расходилась от села к селу, от города к городу. Считалось, что, чем дальше распространится слух, тем сильнее будет гудеть колокол.

Было дурной приметой, если колокол ночью позвонит сам по себе. Тот, кто услышит ночью звон, должен ждать для себя величайшего несчастья. Так, в Москве, в самом центре, висел набатный колокол, который в разговорной речи именовался всполошным. В тысяча шестьсот восемьдесят первом году глухой ночью царь Федор Алексеевич вскочил в испуге: ему показалось, что всполошный колокол сам по себе позвонил. Разгневанный царь утром созвал ближайших бояр и держал совет. Колокол отправили в ссылку за тридевять земель, в глухую и лесистую Карелию.

О колоколах и колокольном звоне складывалось в народе множество остроумных притч, пословиц, поговорок, загадок и шуток. Колокол был, например, для деревенских жителей своего рода часами, возвещавшими о начале дня. Поэтому в ходу была поговорка: первый звон – пропадай мой сон, второй звон – земной поклон, третий звон – из дому вон. Иногда звонница с колоколами представлялась селянину неким ревушим чудищем, поэтому и говорили: стоит бык на горах о семи головах, ребра стучат, бока горят. О колокольных звонах повествовали метафорично: сидит петух на воротах, косы до полу, голос до неба.

На берегах озера Неро, между Москвой и Ярославлем, стоит Ростов Великий. Этому небольшому городу перевалило за тысячу лет. В этом городе вы себя чувствуете так, словно перенеслись в эпоху былинных богатырей.

Каждый заметный колокол в Ростове имеет свое имя: Большой Сысой, Лебедь, Голодарь, Красный... Более мелкие колокола безымянны. У каждого колокола – свои переливы, у каждого звона – свое назначение.

Народная музыка привлекала в Ростов людей со всей России. В середине прошлого века знаток акустики Аристарх Израилев сделал нотную запись ростовских звонов.(424 слова)

(По Е. Осетрову)

32. Сады и парки

Садово-парковое искусство – наиболее захватывающее и наиболее воздействующее на человека из всех искусств. Такое утверждение кажется на первый взгляд странным. С ним как будто бы трудно согласиться. Почему, в самом деле, садово-парковое искусство должно быть более действенным, чем поэзия, литература в целом, философия, театр, живопись? Но вдумайтесь беспристрастно и вспомните собственные впечатления от посещения наиболее дорогих нам всем исторических парков.

Парк окружает вас со всех сторон. Вы и парк обращены друг к другу, парк открывает вам все новые виды. Вас окружает тишина, и в тишине с особой остротой возникает шум весенней листвы вдали или шуршание опавших осенних листьев под ногами, слышится пение птиц или легкий треск сучка вблизи. Все чувства ваши раскрыты для восприятия впечатлений, и смена этих впечатлений создает особую симфонию красок, объемов, звучаний и даже ощущений, которые приносит вам воздух, ветер, туман, роса.

Сады и парки – это тот важный рубеж, на котором объединяются человек и природа. Нет ничего более захватывающего, увлекающего, волнующего, чем вносить человеческое в природу, а природу торжественно, «за руку» вводить в человеческое общество: смотрите, любуйтесь, радуйтесь.

Есть и еще одна сфера, которую человеку дарит по преимуществу парк или даже только парк. Это сфера исторического времени, сфера воспоминаний и поэтических ассоциаций.

Исторические воспоминания и поэтические ассоциации – это и есть то, что больше всего очеловечивает природу в парках и садах, что составляет их суть и особенность. Парки ценны не только тем, что в них есть, но и тем, что в них было. Временная перспектива, которая открывается в них, не менее важна, чем перспектива зрительная.

Отношение к прошлому может быть двух родов: как к некоторому зрелищу, театру, представлению, декорации и как к документу. Первое отношение стремится воспроизвести прошлое, возродить его зрительный образ. Второе стремится сохранить прошлое хотя бы в его частичных остатках. Первое отношение к прошлому требует вырубить в аллее старые деревья и насадить новые: так аллея выглядела. Второе отношение сложнее: сохранить все старые деревья, продлить им жизнь и посадить к ним на места погибших молодые. Две-три старые дуплистые липы среди сотни молодых будут свидетельствовать: это та самая аллея – вот они, старожилы. А о молодых деревьях не надо заботиться: они растут быстро, и скоро аллея приобретет прежний вид.

Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек – носитель прошлого и носитель национального характера. Человек – часть общества и часть его истории.

Культура прошлого и настоящего тоже сад и парк. Недаром «золотой век», «золотое детство» человечества – средневековый рай – всегда ассоциировались с садом. Сад – это идеальная культура, культура, в которой облагороженная природа идеально слита с добрым в ней человеком.

Не случайно Достоевский мечтал превратить самые значные места Петербурга в сад. Самый светлый эпизод «Идиота» Достоевского – свидание князя Мышкина и Аглаи – совершается в Павловском парке утром. Это свидание нигде в ином месте и не могло произойти. Именно для этого свидания нужен Достоевскому Павловск. Вся эта сцена как бы вплетена в приветливый пейзаж Павловска. (462 слова)

(По Д. Лихачеву)

33. О русской литературе

Литература всегда вторгалась в жизнь, а жизнь – в литературу, и это определяло характер русского реализма. Подобно тому как древнерусское повествование пытается рассказывать о реально бывшем, так и в новое время Достоевский заставляет действовать своих героев в реальной обстановке Петербурга или провинциального города, в котором он сам жил. Тургенев пишет свои «Записки охотника» к реальным случаям. Гоголь объединяет свой романтизм с самым мелочным натурализмом.

Особенности эти переходят и в литературу советского и постсоветского периода. И эта конкретность только усиливает нравственную сторону литературы – ее учительный и разоблачительный характер. В ней не ощущается прочности быта, уклада, строя. Действительность постоянно вызывает нравственную неудовлетворенность, стремление к лучшему в будущем.

Литература, созданная русским народом, – это не только его богатство, но и нравственная сила. Она помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых он оказывался. К этому нравственному началу мы всегда можем обращаться за духовной помощью. Русская литература как бы сжимает настоящее между прошлым и будущим.

Неудовлетворенность настоящим составляет одну из основных черт русской литературы, которая сближает с народной мыслью, типичными для русского народа поисками счастливого царства, где нет притеснения начальников и помещиков.

Говоря о тех огромных ценностях, которыми русский народ владеет, я не хочу сказать, что подобных ценностей нет у других народов. Но ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями.

Русская литература – совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, с действительностью, с осознанием ценности человека самого по себе.

Русская литература (проза, поэзия, драматургия) – это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность.

Русская классическая литература – это наша надежда, неисчерпаемый источник нравственных сил наших народов. Пока русская классическая литература доступна, пока она печатается, библиотеки работают и для всех раскрыты, в русском народе будут всегда силы для нравственного самоочищения.

Место русской культуры определяется ее многообразнейшими связями с культурами многих и многих других народов Запада и Востока. Об этих связях можно было бы говорить и писать без конца. И какие бы ни были трагические разрывы в этих связях, какие бы ни были злоупотребления связями, все же именно связи – самое ценное в том положении, которое заняла русская культура (именно культура, а не бескультурье) в окружающем мире.

Значение русской культуры определялось ее нравственной позицией в национальном вопросе, в ее мировоззренческих исканиях, в ее неудовлетворенности настоящим, в жгучих муках совести и поисках счастливого будущего, пусть иногда ложных, лицемерных, оправдывающих любые средства, но все же не терпящих самоуспокоенности.

Русская культура иная по типу, чем культуры Запада. Это касается прежде всего Древней Руси, и особенно ее XIII–XVII веков. Игорь Грабарь считал, что зодчество Древней Руси не уступало западному. Уже в его время, то есть в первой половине XX века, было ясно, что не уступает Русь и в живописи, будь то иконопись или фрески. Сейчас к этому списку искусств, в которых Русь никак не уступает другим культурам, можно прибавить музыку, фольклор, летописание, близкую к фольклору древнюю литературу. (482 слова)

(По Д. Лихачеву)

34. Царь-колокол и Царь-пушка

Есть несколько олицетворений Москвы, таких, как, скажем, бронзовая четверка несущихся коней и правящий ею Аполлон – знаменитая квадрига, украшающая Большой театр, или Останкинская башня. Но, пожалуй, даже более известны такие столичные долгожители, как Царь-колокол и Царь-пушка. Без их изображения не обходится ни один путеводитель по Москве.

Кремлевские ветераны не только свидетели многосотлетних событий. У них богатая родословная, с ними связаны имена государственных деятелей, умельцев, воинов и дипломатов.

Почему длинноствольное орудие прозвали Царь-пушкой? Есть разные толкования. В народной речи, в разговоре необыкновенное, заметно выделяющееся – величиной, весом, значением – принято именовать так: царь-рыба, царь-дерево, царь-девица. Неудивительно, что и крупнейшее артиллерийское чудо Древней Руси именовали Царь-пушкой. Историки доказывают, что прозвание пушка получила потому, что на ней, на правой стороне дульной части, изображен царь Федор Иванович, едущий на коне. Одно не исключает другое. На орудии имеется надпись, гласящая: «Делал пушку пушечной литец Ондрий Чохов».

Случилось это в 1586 году. Андрей Чохов был знаменитым мастером, вызванным в Москву из Муром на Оке. Андрей Чохов мастер был отменный. Крепость и раньше видела богатырские орудия, но никогда еще на холме не стояла пушка весом около сорока тонн, длиной почти пять с половиной метров, а диаметр дула составлял чуть ли не метр.

Немногие знают, что у Царь-пушки есть младший брат – пушка «Царь Ахиллес», отлитая также Андреем Чоховым. Название примечательно: значит, в Москве издавна знали быстрого и непобедимого героя, как и других гомеровских героев Троянской войны. «Ахиллес» немного уступает по размеру и весу Царь-пушке.

Царь-пушка – знаменитейшее, но не единственное древнее орудие холма над Москвой-рекой. И поныне стоят на Троицкой площади медные «боги войны». Их ревностно почитали в старину, давая им причудливые наименования. Есть отлитые Андреем Чоховым «Троил» и «Аспид». Троил – Троянский царь, Аспид – крылатый змей с двумя хоботами и клювом.

Царь-колокол не менее знаменит, чем Царь-пушка. Отливал Царь-колокол Иван Моторин, знаменитый московский литейщик, с сыном Михаилом в 1733–1735 годах. В мире нет колокола, который превосходил бы Царь-колокол по весу.

Было это в 1737 году. Отлитый колокол-гигант находился в яме, на строительных лесах. Приключился пожар, объявший Кремлевский холм. Пылающие головни летели в Москву-реку. В этой огненной суматохе была сделана попытка спасти музыкального титана. Воду лили усердно, раскаленный металл треснул, и выпал кусок двухметровой высоты.

Колокола – грандиозный оркестр под открытым небом, концерт для всех. Древняя Русь складывала песни, поговорки, изречения о колокольном звоне. Стозвучные голоса колоколен встречали воинов из походов и провожали их в дальний путь. На звон колокола шли в ночи путники и возвращавшиеся с охоты. Искусство звонаря ценилось необыкновенно высоко.

И Царь-пушка и Царь-колокол напоминают нам об умельцах старинных, чьи золотые руки вызывают восхищение. (414 слов)

(По Е. Осетрову)

35. Памяти Чехова

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городом, глубоко под белой и пыльной дорогой. Она была, пожалуй, самым оригинальным зданием в Ялте. Дача была белая, чистая, легкая, красиво несимметричная, построенная вне какого-нибудь определенного архитектурного стиля, с вышкой в виде башни, с неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и с открытой террасой сверху.

Дача стояла в углу сада, окруженная цветником. Цветничок был маленький, а фруктовый сад еще очень молодой. Росли в нем груши и яблони-дички, абрикосы, персики, миндаль. В последние годы сад уже начал приносить кое-какие плоды, доставляя Антону Павловичу много забот и трогательного, какого-то детского удовольствия.

Антон Павлович не любил и немного сердился, когда ему говорили, что его дача слишком мало защищена от пыли, летящей с шоссе, и что сад плохо снабжен водою. Не любя вообще Крыма, и в особенности Ялты, он с особенной, ревнивой любовью относился к своему саду.

Многие видели, как он иногда по утрам, сидя на корточках, заботливо обмазывал серой стволы роз или выдергивал сорные травы из клумб. Но не чувство собственника сказывалось в этой хлопотливой любви, а другое, более мощное и мудрое сознание. Как часто говорил он, глядя на свой сад прищуренными глазами:

— Послушайте, при мне здесь посажено каждое дерево, и, конечно, мне это дорого. Но и не это важно. Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и в чертополохе. А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место.

Мысль о красоте грядущей жизни, так ласково, печально и прекрасно отозвавшаяся во всех его последних произведениях, была и в жизни одной из самых его душевных, наиболее лелеемых мыслей. Как часто, должно быть, думал он о будущем счастье человечества, когда по утрам один молчаливо подрезывал свои розы, еще влажные от росы, или внимательно осматривал раненный ветром молодой побег. И сколько было в этой мысли кроткого, мудрого и покорного самозабвения!

Это была тоска исключительно тонкой, прелестной и чувствительной души, непомерно страдавшей от пошлости, грубости, скуки, праздности, насилия, дикости.

Вся сумма его большого и тяжелого житейского опыта, все его огорчения, скорби, радости и разочарования выразились в этой прекрасной, тоскливой, самоотверженной мечте о грядущем, близком, хотя и чужом счастье.

— Как хороша будет жизнь через триста лет!

И потому-то он с одинаковой любовью ухаживал за цветами, точно видя в них символ будущей красоты, и следил за новыми путями, пролагаемыми человеческим умом и знанием. Он с твердым убеждением говорил о том, что преступления становятся все реже, почти исчезают в настоящем интеллигентном обществе, в среде учителей, докторов, писателей. Он верил в то, что истинная культура облагородит человечество.

Рассказывая о чеховском саде, я позабыл упомянуть, что посередине его стояли качели и деревянная скамейка. И то и другое осталось от «Дяди Вани», с которым Художественный театр приезжал в Ялту, приезжал, кажется, с одной целью — показать больному тогда Антону Павловичу постановку его пьесы. Эти прекрасные артисты своей исключительной деликатной чуткостью к чеховскому таланту и дружной преданностью ему самому скрасили последние дни незабвенного художника. (475 слов)

(По А. Куприну)

36. Полевые цветы

Утренняя роса лежала серебристым ковром, покрывая все бескрайнее поле разноцветных цветов. И все цветы блистали в это утро особенно ярко. Тут были все цвета радуги.

Свет, излучаемый как будто самими цветами, казался мягким и свежим. Если смотреть на все это поле, полное чудесной тайны природы, то начинаешь понимать, о чем думали философы и литераторы древности.

Я стоял и смотрел. А потом, не выдержав, просто лег на траву, широко раскинув руки. Моя рубашка сразу промокла до последней нитки. Но это была мелочь по сравнению со всей этой красотой, которую можно встретить только здесь, на Земле, и нигде более во вселенной. Мне показалось, что я лег в ванну, наполненную запахами цветов, травы и земли. А со всех сторон меня окружили цветы. Их простой и незатейливый вид перенес меня сразу в мир мечтаний. А запах закружил голову в водовороте удовольствия. Несмотря на то, что я промок, я получал истинное удовольствие, которое испытывали мои далекие предки.

Удивительно, все, что создавали художники, писатели и просто обыватели, не могло передать всей полноты мира цветов. Сколько ни изображали их люди, эти простые дикie полевые цветы всегда были верхом совершенства. Художники не могли передать всю их красоту и цвет. Чтобы в полной мере насладиться этой красотой, нужно быть здесь. Здесь, когда солнце только поднимается, когда нет еще безжалостной жары, когда утренняя прохлада дарит тебе ощущение безмятежности, легкости и бодрости.

Я поднялся как будто из рая. И огляделся. В цветах промелькнул соловей, который спешил по своим важным делам. А пчелы уже начали собирать нектар. Солнце уже почти поднялось, а облака создавали из света неповторимые узоры в небе, которые расстилались по полю столбами света.

Я стоял на этом поле в окружении земной красоты, созданной природой. Я буквально чувствовал, как красота цветов заряжает меня энергией жизни. Или просто я, живущий в современном городе, где природа была культивирована и загнана в клетку, истосковался по жизни, по чистому воздуху и настоящему небу, не отравленному выхлопами автомобилей и бытовой химии.

Незабудки и васильки кивали мне своими отяжелевшими от росы головками, как бы подтверждая мои мысли. Я не мог оставаться тут. Хотя у меня и было неодолимое желание остаться здесь навсегда и слушать эти звуки настоящей жизни, жизни, не закованной в металл и пластик.

Но мне надо было идти назад. Мне очень хотелось унести хоть капельку этих прекрасных цветов с собой. И я, мысленно движимый самыми древними инстинктами, извинился перед цветами и аккуратно, чтобы не сделать цветам лишней боли, начал набирать их в свои мокрые от росы руки.

Находясь уже в современном городе, наполненном людьми и всеми благами цивилизации, я подарил своей любимой частичку того, что смог унести с того поля, – живые полевые цветы с еще не высохшей росой и свежестью настоящей жизни. (438 слов)

(По А. Наумову)

37. Федор Иванович Тютчев

Тютчев – один из самых замечательных русских людей. Жить – значило для него мыслить. Всю жизнь он действительно тешился сверкающей игрой своего ума, гнался за ясностью мысли, за ее стройностью. Но своего истинного и исключительного величия достигал, когда внезапно открывалось ему то, чего «умом не понять».

В ту пору, когда сам Тютчев еще не был «открыт», составители хрестоматий рекомендовали его как «выдающегося описателя природы». Но для того чтобы понимать его как «описателя», приходилось в его стихах не замечать главного, проходить мимо того, что лежало под кажущейся поверхностью описания. Иногда поступали с варварской наивностью: просто зачеркивали то, что было истинным предметом стихотворения и для чего «картина природы» служила только мотивировкой или подготовкой.

Так, знаменитое стихотворение «Люблю грозу в начале мая» сплошь и рядом печаталось без последней строфы, важнейшей для тютчевского замысла, но лишней для любителей описательства.

Тютчев никогда не падает до описательства, никогда не предается констатации явлений.

Ищущим описаний он говорит прямо: «Не то, что мните вы, природа — // Не слепок, не бездушный лик. // В ней есть душа, в ней есть свобода, // В ней есть любовь, в ней есть язык».

Только ради того, чтобы услышать этот язык, как «голос матери самой», обращается он к природе. В мире сменяется день и ночь. Но для Тютчева не ночь покрывает природу, а, наоборот, день есть «златотканый покров», наброшенный над «безымянной бездной». Природа только узор этого тканья.

Но вот вопрос: где же благо? В гармонии природы или в лежащем под нею Хаосе? В «покрове» или в «бездне»? Только ли день обольщает и утешает своим обманом, или он есть истинное прибежище? Нахождение человека в природе – есть ли это изгнание из Хаоса или спасение от него? И, наконец, что такое тоска по Хаосу: возвышение или падение?

Тютчев ответа не нашел. Он чувствовал себя навсегда раздвоенным. Вещая душа его вечно билась «на пороге как бы двойного бытия». Несомненно было одно для него, что человек не прикреплен до конца ни к тому, ни к другому.

Страстное желание слиться с природой, благословить ее всю чередовалось с неутолимой и нескрываемою тоской по родине. Тютчев боялся этого, а все-таки для него не было ничего упоительнее прикосновения к Хаосу, хотя бы ценой собственного уничтожения. Он поклонялся природе и чувствовал себя в ней «сиротой бездомным».

От неясных, мучительных, но все же, по его собственному гордому признанию, пророческих снов находил он прибежище не в философском преодолении и не в лирическом изживании разлада, но в религиозном возвышении над ним.

Он всю жизнь философствовал. Но мысль была для него тоже «златотканым покрывалом» над бездной пророческих снов подавляющего, но величественного беспмятства, духовного Хаоса. Оттуда к нему доносились любимые голоса непостижимого, невыразимого. (425 слов)

(По В. Ходасевичу)

38. О Горьком

Большая часть моего общения с Горьким протекла в обстановке почти деревенской, когда природный характер человека не заслонен обстоятельствами городской жизни.

День его начинался рано: он вставал часов в восемь утра и, выпив кофе и проглотив два сырых яйца, работал без перерыва до часу дня. В час полагался обед, который с послеобеденными разговорами растягивался часа на полтора. После этого Горького начинали вытаскивать на прогулку, от которой он всячески уклонялся. После прогулки он снова кидался к письменному столу часов до семи вечера. Стол всегда был большой, просторный, и на нем в идеальном порядке были разложены письменные принадлежности. Алексей Максимович был любитель хорошей бумаги, разноцветных карандашей, новых перьев и ручек.

Часы от прогулки до ужина уходили по большей части на корреспонденцию и на чтение рукописей, которые присылались ему в несметном количестве. На все письма, кроме самых нелепых, он отвечал немедленно. Все присылаемые рукописи и книги, порой многотомные, он прочитывал с поразительным вниманием и свои мнения излагал в подробнейших письмах к авторам. На рукописях он не только делал пометки, но и тщательно исправлял красным карандашом описки и расставлял пропущенные знаки препинания. Так же поступал он и с книгами: с напрасным упорством усерднейшего корректора исправлял в них все опечатки. Случалось, что он то же самое делал с газетами, после чего их тотчас выбрасывал.

Часов в семь бывал ужин, а затем – чай и общий разговор.

Около полуночи он уходил к себе и либо писал, облачаясь в свой красный халат, либо читал в постели, которая всегда у него была проста и опрятна как-то по-больничному. Спал он мало и за работою проводил в сутки часов десять, а то и больше. Ленивых он не любил и имел на то право.

На своем веку он прочел колоссальное количество книг и запомнил все, что в них было написано. Память у него была изумительная.

От нижегородского цехового Алексея Пешкова, учившегося на медные деньги, до Максима Горького, писателя с мировой известностью, – огромное расстояние, которое говорит само за себя, как бы ни расценивать талант Горького. Казалось бы, сознание достигнутого, да еще в соединении с постоянной памятью о «биографии», должно было дурно повлиять на него. Этого не случилось. В отличие от очень многих он не гонялся за славой, не томился заботой о ее поддержании; он не пугался критики, так же как не испытывал радости от похвалы любого глупца или невежды; он не страдал чванством и не разыгрывал, как многие знаменитости, избалованного ребенка. Я не видал человека, который носил бы свою славу с большим умением и благородством, чем Горький.

Вся его жизнь пронизана острой жалостью к человеку, судьба которого казалась ему безвыходной. Единственное спасение человека он видел в творческой энергии, которая немислима без непрестанного преодоления действительности – надеждой. Способность человека осуществить надежду ценил он невысоко, но сама эта способность к мечте, дар мечты приводили его в восторг и трепет. Создание какой бы то ни было мечты, способной увлечь человечество, он считал истинным признаком гениальности, а поддержание этой мечты – делом великого человеколюбия. (474 слова)

(По В. Ходасевичу)

39. Павел Михайлович Третьяков

Возможно, многим в настоящее время покажется странным, что еще каких-нибудь сто лет назад в России не было ни одного доступного народу музея, если не считать Эрмитажа (как известно, принадлежавшего царствующему дому Романовых), где русских картин было немного, да еще музея при академии.

Однако это вовсе не означает, что в то время в России не было любителей и ценителей настоящего искусства. Но любовь любви рознь. Вельможные меценаты любили искусство, как скупой рыцарь свое золото. Они лелеяли его, но держали под семью замками. Творения русских живописцев были заперты в залах княжеских дворцов и помещичьих усадеб, и для простого народа России в то время картина оставалась чем-то невиданным и недоступным.

Но те же причины, какие пробудили к жизни новую русскую живопись, сделали неизбежным и возникновение общедоступных музеев.

Имя Павла Михайловича Третьякова навсегда останется среди имен тех людей, кто бескорыстной любовью и преданностью своей двигал вместе с художниками русскую живопись вперед. Его горячая вера в будущее народного искусства, его действенная и постоянная поддержка укрепляли художников в сознании необходимости дела, которое они делают.

Третьяков не был «покровителем искусств», меценатом того толка, какими были в свое время многие родовитые вельможи в России. Он не красовался, не тешил собственное тщеславие, не выбирал себе любимцев среди художников и не швырял деньги по-княжески. Он был рассудителен, расчетлив и не скрывал этого. «Я вам всегда говорю, — писал он однажды Ивану Николаевичу Крамскому, — что желаю приобретать как можно дешевле, и, разумеется, если вижу две цифры, то всегда выберу меньшую: ведь недаром же я купец, хотя часто и имею антикупеческие достоинства».

Именно эти «антикупеческие достоинства»: просвещенность, гуманизм, понимание общенародной роли искусства — и позволили Третьякову выбирать для своей галереи все самое лучшее, самое правдивое и талантливое, что давала тогда русская живопись.

С первой же выставки передвижников он приобрел около десятка картин. Среди них были такие шедевры, как «Грачи прилетели» Алексея Кондратьевича Саврасова, «Петр Первый допрашивает царевича Алексея в Петергофе» Николая Николаевича Ге, «Сосновый бор» Ивана Ивановича Шишкина и «Майская ночь» Ивана Николаевича Крамского. С тех пор он стал постоянным членом товарищества и тем самым присоединился к общим задачам и целям.

Третьяков известен был своим удивительным чутьем. Тихий, молчаливый, сдержанный, он появлялся в мастерских, где еще только заканчивались будущие шедевры живописи, и, случалось, покупал их для своей галереи прежде, чем они успевали появиться на выставке.

Бескорыстие его было беспримерным. Приобретя у Василия Васильевича Верещагина огромную коллекцию его картин и этюдов, он тут же предложил ее в качестве дара Московскому художественному училищу.

Свою галерею он с самого начала задумал как музей национального искусства и еще при жизни своей — в 1892 году — передал в дар городу Москве. И лишь спустя шесть лет (как раз в год смерти Павла Михайловича Третьякова) открылся первый государственный русский музей в столичном Петербурге, да и то куда уступавший «Третьяковке», ставшей уже к тому времени местом паломничества многих тысяч людей, приезжавших в Москву со всех концов России. (465 слов)

(По Л. Волынскому)

40. Размышления о «чувстве слова»

А действительно, что это такое? Педагоги отвечают, что без чувства слова человек, даже знаток орфографических правил, никогда не станет грамотным.

Чувство слова – это, во-первых, знание языковых законов и системных связей, благодаря которым человек не умеет делать ошибки, пишет и говорит правильно. Вспоминается пушкинское: «Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки...» Обычно говорят: «Он Пушкин, ему можно».

В Лицее звали его Французом потому, что по-французски он заговорил раньше, чем по-русски, и даже первые стихи у него были на французском! Невозможность представить русской речи без ошибки для Пушкина объясняется не только влиянием форм (в данном случае русских и французских), но прежде всего тем же чувством слова, прямо-таки заставляющим нас делать ошибки там, где сами правила противоречат грамматическим моделям. Прислушаемся: многие говорят «звонит» – не грамматическая, но все же ошибка.

Между тем влияние давнего процесса переноса ударения на основу очевидно: гонит, стонет, тонет, клонит. То же проявляется и на письме. Даже при знании многочисленных моделей русского языка, их взаимовлияния без чувства слова выбрать необходимую ох как непросто!

Чувство слова... Оно формируется активной работой над книгой, над речью, над эстрадными миниатюрами, над политическими выступлениями, над текстом лекции в институте.

Но развивается оно и в процессе создания обычного школьного сочинения. Приступая к написанию, всегда необходимо помнить о том, что в разных ситуациях одно и то же слово может звучать по-разному, что слово – это не только феномен, отличающий человека от животного мира, но и сила, данная ему, и важно умело ею воспользоваться.

Слово полководца определяет участь сражений и народов. Слово оратора начинало и кончало столкновения между государствами. Слово может ранить, и не метафорически. Горький, писавший «Жизнь Матвея Кожемякина», так ясно увидел внутренним взором рану героя, что сам рухнул без сознания, а тонкая струйка крови сочилась из груди писателя, образуя темное пятно на рубашке.

Гоголь писал смешные рассказы, чтобы развеселить себя, когда случалась депрессия. А Байрон за четыре ночи написал поэму «Абидосская невеста», чтобы отогнать душившие его слезы. Написал – и понял, что настроение изменилось, что горечь и приступы самобичевания передались бумаге, на которой темнели строки законченной поэмы.

Власть человека над языком, умение выразить тончайшие колебания души и самые заветные мысли – это и есть «чувство слова».

Умение создавать каламбуры, как и умение сочинять стихи «на спор», а то и перед зрительным залом, не медля ни минуты, – безусловное проявление «чувства слова».

Н. Богословский не только известный композитор, но и обладавший этим чувством мастер остроумных розыгрышей, содержащих шутку, а иногда и насмешку. И становится очевидным, что чувство слова – одно из важнейших и очень редких качеств человека, который умеет создавать, который видит то, что сокрыто от остальных, который может метко и остроумно ответить собеседнику или удивить его яркой мыслью или неповторимой строкой.

Умение грамотно писать. Умение быть творцом. Остроумие. Возможность относиться к слову так, как дети: уважительно, удивленно и восхищенно. (450 слов)

(По А. Мурашеву)

41. «Урядник сокольничьего пути»

В истории русского литературного языка важное место занимают источники, отражающие процессы живой разговорной речи, где традиции деловой письменности естественно сочетаются с местным колоритом, обиходной терминологией, бытовой словесной культурой. Один из подобных памятников – «Домострой» – явление в историко-культурной традиции XVI века. Но в дальнейшем приобретают особое значение такие сочинения, которые видоизменяют церковнославянскую ориентацию и продолжают синтез светской и приказной культуры.

Такие труды нельзя, конечно же, в полной мере отнести к деловым памятникам: они находятся в пограничной полосе между жанрового разнообразия. Важную роль в них играет исторический фон, на основе которого и разрабатываются своды правил: как лечить (лечебники), как учить (азбуковники, письмовники), как устраивать охоту по чину (урядник). В отличие от жанров древнерусской литературы, это не фантастические и не сатирические произведения, в них нет ничего вымышленного и изобретенного с художественной точки зрения.

XVII век – это не только переходный период в сфере лингвокультурных связей, но и важный этап в образовании новых жанров и произведений, иногда единичных и уникальных в своем роде. Одним из таких интересных и малоизученных источников является «Урядник сокольничьего пути». Это историко-культурный и одновременно деловой трактат, рассказывающий о соблюдении сложного церемониала соколиной охоты.

Предполагают, что это произведение было создано при непосредственном участии царя Алексея Михайловича, бывшего знатоком, устройтелем церемониала и инициатором ведомства царской соколиной охоты. Уже само название «Урядник» свидетельствует о приказном характере сочинения и его обращенности в сферу правил гражданского устава.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля фиксируется слово уряд как порядок, обиход, законный или обычный ход, устройство; чиновник, распорядитель, распорядчик.

Соответственно назначению этого памятника строится и текстовой формуляр, и обслуживающие его лексико-фразеологические средства, в выражении которых осязаемый импульс придается компонентами деловой письменности, светской речи. Показателен зачин произведения, который определяет суть «государева указа», в чем состоит новое уложение, для каких целей оно предназначено.

До сих пор не встречался такой источник, где с таким колоритом и любовью включались эпитеты, прославляющие соколиную охоту. В контексте указа, наряду с яркими изобразительными средствами, находятся элементы делового стиля. Поэтому «Урядник», не лишенный литературности, в то же время воспринимается как памятник особого жанра светского, бытового устава, имеющего специальную профессиональную направленность.

Интересен церемониальный этикет с подробностями, характеризующими атмосферу и обычаи приготовления к пожалованию сокольника из рядовых в «начальные». Несмотря на необычный обряд, он оформлен согласно законам делового письма. В нем наличествуют упрощенный синтаксис, приближенный к разговорному, а также элементы живой речи.

Текст составлен профессионалами – знатоками соколиной охоты – и отражает богатый опыт приказного, этикетного делового письма. В сочинении зафиксированы специальные термины соколиного обихода, специфические понятия соколиной охоты, представлены наименования должностей, чинов. В стилистических особенностях текста памятника нашли отражение черты, свойственные двум жанрам – деловому и этикетному. Очевиден и тот факт, что эволюция русского литературного языка в XVII веке не только охватывала книжные жанры, но и активно внедрялась в другую культурно-языковую традицию. Поэтому деловая словесность стала той экспериментальной лингвотекстологической базой, на фоне которой проходили апробацию новые приемы и способы выражения письменности. (462 слова)

(По О. Никитину)

42. Подвиг Ивана Федорова

Время – лучший судия. Сегодня, из исторического далека, нам особенно отчетливо видны истинные масштабы деяний «друкаря книг, пред тем невиданных». Да он и сам вырастает в гигантскую фигуру, характерную для эпохи Возрождения, и занимает достойное место в ряду других древнерусских деятелей отечественной культуры, литературы и искусства, таких как Андрей Рублев, Феофан Грек, Дионисий с сыновьями или автор «Слова о полку Игореве».

Иван Федоров – мастер на все руки. Он и типограф, и художник, и редактор, и издатель, и ученый, и писатель, и изобретатель, и организатор. Наконец, он и энциклопедист-просветитель. Словом, не только его деяния, но и личность Ивана Федорова была исключительная, в чем-то, может быть, таинственная. Все говорит о том, что он был горячий патриот, храбрый и мужественный человек, подвижник печатного слова, выдающийся деятель отечественной культуры.

Почему мы называем Ивана Федорова первопечатником? Ведь анонимные печатные издания были на Москве уже и в 1552–1553 годах. Но то, в общем, если можно так сказать, пробные издания.

«Апостол» и другие книги Ивана Федорова выделяются по своему назначению. Это книги–ученые. Они предназначены для индивидуального чтения, для обучения, для справок. Каждому назначению книги Иван Федоров ищет соответствующее наиболее удобное и практичное оформление. Все книги имеют художественное оформление в пределах, гармонирующих с назначением. Кое в чем этому могли бы поучиться и мы.

Знакомясь с «Апостолом» 1564 года, ясно осознаешь, что Иван Федоров и Петр Мстиславец заботились не о доходах, не о выгодности способа размножения книг, а, не щадя сил, используя огромный опыт русской рукописной книги и некоторых европейских образцовых изданий, стремились создать как бы эталоны книгопечатания. В этом убеждает и то, что «Апостол» 1564 года был снабжен превосходно написанным послесловием. Самый факт этого послесловия свидетельствовал о том, что издатели придавали огромное значение своему детищу именно как образцу, модели, эталону для будущих книг. Они продумали все, чтобы сделать книгу максимально удобной для чтения, для пользования и вместе с тем красивой.

Заботой о читателе пронизана и вся организация текста книги. Отысканию нужных текстов помогает система нумерации страниц, ссылки. Первая печатная книга производит впечатление, будто она явилась результатом многовековой типографской практики, замечательной полиграфической культуры и вся пронизана заботой о читателе. До сих пор исследователи ломают голову над таким феноменом: в первопечатной русской книге нет ни одной типографской погрешности, нет и ни одной опечатки. Это ли не лучшее доказательство высокой филологической образованности и высокой культуры, умственного труда первопечатника?

Вся жизнь Ивана Федорова была сопряжена с титаническим трудом, трудом бескорыстным, беззаветным и самоотверженным. Ничто его не останавливало: ни лишения, ни житейские невзгоды, ни технические и творческие трудности. Дело жизни Ивана Федорова было подвигом по цели, по своей жертвенности и по достигнутым результатам. Он весь вдохновлен любовью к своему народу.

Иван Федоров не просто создатель книгопечатания – он великий сеятель славянской культуры, создатель русской и украинской печатной книжности, книжной печатной культуры. (448 слов)

(По Д. Лихачеву)

43. Функции русского языка

Н.В. Гоголь когда-то сказал: «Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно...»

Прежде всего богатство языка заключено в количестве слов. В самом известном одготомном Словаре С.И. Ожегова объяснено около пятидесяти тысяч слов. В академическом семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» истолковано более ста двадцати тысяч слов, но его составители пишут в предисловии, что в этом словаре можно найти в основном только слова общеупотребительные и нормативные. Целые разряды слов остались за пределами этого труда.

Богатство русского языка заключается и во множестве различных выражений, словесных оборотов, синтаксических конструкций и форм слов, которые имеют близкое или одинаковое значение, но различную стилистическую окраску, и мы можем выбирать из них именно те слова, выражения, конструкции, которые лучше подходят в каждом отдельном случае.

У языка два названия, две работы. Служить общению людей и быть средством мысли. Если соберутся несколько человек и начнут общаться, то между ними сразу появится «невидимка» – язык. Он объединяет людей, дарит им возможность взаимопонимания.

Представьте, что люди лишились языка. Не могут говорить, понимать речь, читать, писать. Они немедленно опустились бы на уровень коров, кошек и зайцев. Человеческое общество прекратилось бы, началось стадо. Человеку необходимо общение с другими людьми.

Когда говорят об этой важной функции языка – быть средством общения, на первый план выдвигается обозначающее, то есть то, что мы непосредственно воспринимаем. Оно делает речевое намерение явным, доступным для других.

Язык служит и для мышления. Знаки языка позволяют соединять значения, строить из них рассуждения, сопоставлять их – мыслить. Даже если я мыслю не вслух, а про себя, все равно мои мысли должны быть как-то явлены мне самому, иметь обозначающее, а значит, и здесь нужен язык.

Язык как средство общения – это мышление «на людях», для всех. Язык как средство мышления – это общение с самим собой, внутренний диалог, спор с собой, согласие. Эти назначения языка связаны неразрывно.

Конечно, мысль рождается в голове отдельного человека. Но, родившись, она требует жизни, ей нужно существование, достойное мысли. Ею надо действовать, ее надо высказывать, объяснять, истолковывать, уточнять, совершенствовать, доказывать и оспаривать, подтверждать и отрицать; нужно приводить новые аргументы «за» и «против» нее. Без этой естественной жизни мысль не существует.

Есть у языка и другие назначения. Например, экспрессивная функция. Говорящий выражает не только словами, но и интонацией, тембром, темпом речи свое отношение к тому, что сообщается в высказывании, и к ситуации, в которой происходит разговор. Радость при встрече, приветливость, расположение, дружеское участие или, наоборот, недоброжелательность, отчужденность, раздражение, вражда – это огромное множество оттенков выражается во всех языках, хотя и по-разному. Каждый язык выделяет свои особые средства для их выражения.

Есть поэтическая функция языка: создаются произведения, где язык становится художественной ценностью.

Назначения языка многочисленны, но в основе их все-таки лежат две основные функции: быть средством общения и средством мысли. (460 слов)

(По М. Панову)

44. Актуальный язык XXI века

Лингвисты не раз уже писали о словах и выражениях, которые являются заведомо жаргонными или выглядят как «неуклюжий» перевод с иностранного языка. Короче, типа того, прикинь, по-любому стали просто бедствием для языка, из обыденной речи переходят в кино- и телеэкран и даже в официальную речь. А чего стоят выражения: Ты лучший! Ты этого достойна! Мы сделали это!

Жаргонные слова и молодежный сленг замещают нормативные слова и выражения в разговорном языке.

С начала XX века отмечены четыре волны в развитии молодежного сленга. Первая датируется двадцатыми годами. В результате революции и гражданской войны появилась целая армия беспризорных и речь молодежи окрасилась множеством «блатных» словечек. Вторая волна приходится на пятидесятые – шестидесятые годы – время так называемых «стиляг» и их «зашифрованного» языка. Появление третьей волны связано с периодом застоя и возникновением разных неформальных молодежных движений и – соответственно – сленга как языкового жеста противостояния официальной идеологии. Четвертая волна пришлась на конец XX века, на эпоху компьютеризации, когда наряду с общеупотребительной лексикой стала стремительно развиваться лексика техническая, понятная только тем, кто владеет компьютерной грамотой и знаком с мобильными технологиями. Вот лишь несколько примеров такой лексики: клон, скан – повторение, списывание, воспроизведение; мобила – телефон, связь; самса – от SMS (способ мобильной связи); комп – компьютер.

Компьютерный язык активно проникает в нашу жизнь. Закономерным следствием глобальных процессов в экономической, культурной и политической сферах является то, что словарный запас постоянно пополняется терминами, которые с течением времени начинают активно использоваться носителями языка.

Современный язык – это язык коммуникации, язык информационного поля, информационной среды. Наиболее яркий пример этого – Интернет, где доминирует английский язык (часто его сленговый вариант). Это, конечно, удобно пользователям, но дальнейшее распространение этого языка представляет трудности для тех членов общества, которые не владеют таким универсальным языком. Новые слова нуждаются в переводе, трактовке значения.

Компьютерный язык проникает и на страницы газет, журналов, где уже можно встретить кликать, чатиться, хакерный и другие. Это вызывает у лингвистов большую озабоченность и тревогу.

Говоря сегодня о речевой культуре, необходимо рассматривать ее как составную часть общей культуры. Расшатывание языковых и стилистических норм, огрубление языка – следствие снижения уровня культуры современного человека и общества.

В четвертую волну в русский язык вошло и множество экономических и финансовых терминов иноязычного происхождения: бартер, брокер, дилер, инвестор, инвестиции, тендер, дефолт, профицит и другие. Специальные экономические и финансовые термины вошли в общелитературный язык, стали употребляться на страницах печати, зазвучали по радио и с телеэкранов.

Почему же все эти экономические и финансовые явления называются не по-русски? Да потому что они – результат влияния на нашу экономику распространенных на Западе методов и механизмов экономического и финансового управления. Вместе с новыми понятиями к нам пришли и новые слова и термины. Эти слова интернациональны, они известны и понятны говорящим на многих современных языках. А принадлежность того или иного слова к общему, международному лексическому фонду часто облегчает его укоренение и в каждом конкретном национальном языке (в данном случае в русском). (455 слов)

(По Л. Крысину)

45. Рассказ В. Токаревой «Самый счастливый день»

События рассказа происходят в не столь отдаленное время, и перед сегодняшними старшеклассниками стоят те же проблемы, что и перед героиней рассказа, размышляющей о честности и лжи во имя достижения личных целей, об эгоизме и карьеризме в современном обществе, об истинных и ложных целях и ценностях, умении сочувствовать и сопереживать.

Ее одноклассники «строчат с невероятной скоростью и страстью» сочинение на не очень корректную тему, заданную учительницей, а главная героиня все еще стоит перед выбором – написать что-нибудь общепринятое или, махнув рукой на все условности, написать пусть и не о самом счастливом, но о просто счастливом дне своей жизни, потому что самого счастливого дня у нее еще не было. «Он у меня впереди», – убеждена девочка.

Задача писателя – заставить читающего задуматься о смысле жизни, о самой главной ее составляющей – о счастье. Слово счастье и производные от него употреблены в рассказе двадцать семь раз. Этому слову отведена центральная роль в организации содержания текста. В рассказе слово счастье реализуется в двух значениях: польза и удовольствие. Отсюда и сочетаемость слова счастье со словами лексико-семантических групп: польза и семья, ведь именно в семье с родными людьми героиня испытывает «невыразимо прекрасные» чувства.

Важной отличительной чертой стиля В. Токаревой является афористичность. В организации текста рассказа «Самый счастливый день» афористические высказывания, цитаты играют немаловажную роль. В них раскрываются основные жизненные представления героини рассказа и ее своеобразного оппонента – учительницы Марьи Ефремовны. «Человек бывает по-настоящему счастлив только в том случае, когда приносит людям пользу», – произносит Марья Ефремовна, и в ее устах это известное высказывание звучит несколько искусственно. От частого употребления оно несколько стерлось, и читатель не верит в его истинность. В то же время не менее известная цитата: «Каждый человек за свою жизнь должен посадить дерево, родить ребенка и написать книгу о времени, в котором он жил», – естественна и вполне созвучна душевному настрою героини, поэтому и не вызывает у нее неприятия.

Афоризмы в тексте В. Токаревой прямо либо косвенно помогают раскрыть основное ключевое понятие рассказа – счастье. Они несут не только идейно-смысловую, но и эмоциональную нагрузку.

Особый интерес представляет для нас ироничность как отличительная черта стиля автора. Героиня рассказа, как и многие современные девушки, умна и иронична. Она знает свои сильные стороны: много читает, у нее «большой словарный запас и она легко им орудует». Но, сравнивая себя с одноклассниками, героиня с сожалением убеждается в том, что эти ее достоинства совершенно не нужны современному человеку. За своей иронией, как за маской, она прячет то, что хочет скрыть от окружающих: свои сомнения, тревоги и острое чувство счастья в общении с близкими людьми.

В тексте рассказа не случаен афоризм «воспитание дано человеку именно для того, чтобы скрывать свои истинные чувства. В том случае, когда они неуместны». И задача текста – научить подростка не скрывать свои взгляды, открыто высказывать свое мнение и уметь приводить убедительные аргументы в его защиту.

Круг проблем, поднятых в рассказе, важен и имеет первостепенное значение для формирования жизненной позиции человека. Но Токарева говорит о них не в назидательном тоне, что почти всегда вызывает резкое неприятие, особенно у молодых людей, а с иронией.

(488 слов)

(По Л. Коротенко)

46. Эсперанто и его создатель

Эсперанто – искусственный международный язык, получивший распространение в конце XIX века. Его создателем был Людвиг Заменгоф.

Заменгоф родился в городе Белостоке, который находился тогда на территории Российской империи. Заменгоф закончил Варшавскую гимназию, а затем медицинский факультет Московского университета. Работал врачом-окулистом под Каунасом, потом в Херсоне и Гродно, пока окончательно не поселился в Варшаве, где приобрел широкую известность как врач бедняков. С детства Заменгоф прекрасно владел польским, немецким, французским, древнееврейским языками, позднее изучил латинский, древнегреческий, церковнославянский, итальянский, литовский, английский. «Идея международного языка, – писал Заменгоф, – осуществлению которой я посвятил всю свою жизнь, появилась у меня в детстве».

В наличии международного языка будущий создатель эсперанто видел способ преодоления межнациональных противоречий и конфликтов, средство установления гармонических социальных отношений. Первоначально Заменгоф надеялся возродить латинский язык, который, по его замыслу, должен был стать всеобщим. Однако затем он отказался от этой идеи и начал работать над проектом нового искусственного языка. Этот проект под названием «Всеобщий язык» был завершен в 1878 году – в год окончания Заменгофом гимназии. На новом «языке» уже увлеченно общались его одноклассники и друзья. Однако по настоянию отца Заменгоф прервал работу по созданию универсального языка (был уничтожен и первый его проект). Лишь в восьмидесятые годы Заменгоф, уже став врачом, вновь вернулся к этой идее.

В 1887 году им был издан учебник «международного языка». На титульном листе этого пособия, предназначенного для русских, был указан автор – Доктор Эсперанто. Своим псевдонимом Заменгоф избрал слово, которое значило «надеющийся». Это слово и стало названием нового искусственного языка. Позднее появился и символ эсперантистов – зеленая (цвет надежды) пятиконечная (знак связи пяти континентов) звезда.

Заменгоф создал первые словари эсперанто, начал выпускать на нем газету, перевел на этот язык ряд произведений Г. Гейне, Н.В. Гоголя, Шолом-Алейхема, Э. Ожешко и других. Первыми же литературными произведениями, изданными на эсперанто, стали «Метель» А.С. Пушкина и «Княжна Мери» М.Ю. Лермонтова.

Созданию эсперанто предшествовало множество проектов искусственных языков. Однако именно эсперанто суждено было завоевать широкую популярность. Уже в 1905 году состоялся международный конгресс эсперантистов, объединивший представителей разных стран. Этот международный язык получил высокую оценку Л.Н. Толстого, А. Эйнштейна, К. Э. Циолковского, Р. Роллана и многих других деятелей науки и культуры. И в настоящее время эсперанто сохраняет свои позиции. Этот искусственный язык изучается в 29 университетах мира, на нем развивается оригинальная литература, во многих странах существуют клубы и ассоциации эсперантистов.

Что же сделало эсперанто столь популярным, позволило считать его, по мнению Л. Толстого, «вполне удовлетворяющим требованиям международного языка»? Прежде всего эсперанто близко естественным языкам. Его словарь формировался на основе лексики романских, германских и частично славянских языков. Алфавит эсперанто разработан на основе латинского и включает 28 букв, при этом каждая буква обозначает только один звук. Ударение фиксированное: оно падает на предпоследний слог слова. Основным принципом орфографии является фонетический. Грамматика эсперанто предельно логична. Она сводится к нескольким правилам и практически не знает исключений.

Л. Заменгофу удалось создать международный язык с достаточно большим лексическим составом, развитой словообразовательной системой и несложной грамматикой. Искусственный язык Заменгофа известен уже более ста лет и продолжает развиваться. (478слов)

(По Н. Николиной)

47. Долгожданная гроза

Еще только одиннадцатый час на исходе, а уже никуда не денешься от тяжелого зноя, каким дышит июльский полдень. Раскаленный воздух едва-едва колыхается над немощеной песчаной дорогой. Еще не кошенная, но наполовину иссохшая трава никнет и стелется от зноя, почти невыносимого для живого существа. Дремлет без живительной влаги зелень рощ и пашен. Что-то невнятное непрестанно шепчет в полудремоте неугомонный кузнечик. Ни человек, ни животное, ни насекомое – никто не борется с истомой. По-видимому, все сдались, убедившись в том, что сила истомы, овладевшей ими, непобедима и непреодолима. Одна лишь стрекоза чувствует себя по-прежнему и как ни в чем не бывало пляшет без устали в пахучей хвое. На некошенных лугах ни ветерка, ни росинки. В роще, под пологом листвы, так же душно, как и в открытом поле. Вокруг беспредельная сушь, а на небе ни облачка.

Одна надежда на грозу: лишь она одна может разбудить скованную жаром природу и развеять сон. И вдруг впрямь что-то грохочет в дали, неясной и туманной, и гряда темных туч движется с юго-восточной стороны. В продолжение очень короткого времени, в течение каких-нибудь десяти – пятнадцати минут, царит зловещая тишина, и все небо покрывается тучами.

Полуденное солнце, готовое поразить каждым своим лучом, жжет невыносимо. Бесшумно, едва приметно струится в низких берегах кристально чистая вода, зовущая освежить истомленное зноем тело в прохладной глубине. Но отправиться купаться не хочется, да и незачем: после купания еще больше распаришься на солнцепеке.

Но вот, откуда ни возмись, в мертвую глушь врывается резкий порыв ветра, который, кажется, ничем не сдержишь. Он стремительно гонит перед собой столб пыли, беспощадно рвет и мечет древесную листву, безжалостно мнет и приклоняет к земле полевые злаки. Ярко блеснувшая молния режет синюю гущу облаков. Вот-вот разразится гроза и на обнаженные поля польется освежающий дождь. Хорошо бы укрыться от этого совсем неожиданного, но желанного гостя. Добежать до деревни не удастся, а усесться в дупло старого дуба в пору только ребенку.

Гроза надвигается: изредка вдалеке вспыхнет молния, слышится слабый гул, постепенно усиливающийся, приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты, обнимающие весь горизонт.

И вот солнце выглянуло в последний раз, осветило мрачную сторону небосклона и скрылось. Вся окрестность вдруг изменилась, приняла мрачный характер, и гроза началась.

Дождь полил ручьями, но вдруг сразу перестал. Гроза туманно и устало вспыхивала уже далеко, а гром рокотал глухо, как пустая бочка на телеге, когда едут за водой на реку. Всюду звенели и смеялись ручьи, и было приятно слушать это ребячье журчание и милую игру бурливых потоков. Воздух был чистый, прозрачный и свежий, словно ливень промыл его и освободил от дыма и грязи.

Между разорванными тучами синели клочья чистого неба, и лучистыми искорками зажигались и гасли звездочки. На востоке, над крутой горой, кудрявые облака озарялись далеким розовым пламенем, а небо было синее и прозрачное, как вода в роднике.

Хлопая крыльями, порывисто пролетели стаи голубей, а над вётлами кружились галки.

Низко над мокрой и черной землей носились ласточки.

Небо голубело среди играющих облаков и как будто улыбалось приветливо и ласково. Вверху невидимый жаворонок залился колокольчиком. (480 слов)

(По Д. Розенталю)

48. Генрих Шлиман

Примером того, что невозможное можно сделать возможным, что мечты могут осуществиться, если с несокрушимой верой и энергией претворять их в реальность, является немецкий археолог Генрих Шлиман.

Он родился в тысяча восемьсот двадцать втором году в семье священника. С детства Генрих страстно любил читать. Из всех книг его особенно потрясли «Илиада» и «Одиссея».

Это поэмы, в которых древнегреческий слепой поэт Гомер примерно в восьмом веке до нашей эры описал события Троянской войны и героические деяния древних греков. Десятилетний Генрих ни на минуту не сомневался, что все, о чем повествовал Гомер, действительно произошло. Мальчик решил, что когда вырастет, то обязательно побывает в Трое.

Когда юный Генрих рассказал взрослым о своем плане, они снисходительно посмеялись над ним. «Разве ты не знаешь, – сказал отец, – что история Троянской войны – это не более чем красивая легенда? Города Трои никогда не существовало. Это научно доказано! За многие столетия от Трои не было найдено ни одного камня. Все это лишь плод фантазии Гомера».

Поначалу разочарование мальчика было безграничным, однако чем чаще он перечитывал обе поэмы, тем сильнее в нем крепло убеждение, что взрослые ошибаются. Постепенно он начал мечтать уже не о путешествии в Трою, а о поисках Трои. Генрих решил найти город и доказать, что в поэмах Гомера описываются действительно происшедшие события, причем они описываются не в общих чертах, а в мельчайших подробностях.

План мальчика долгое время казался неосуществимым. Генрих очень рано потерял родителей. Оставшись сиротой, он пошел работать в лавку своего дяди. Когда мальчик сновал между бочками с селедкой и мешками с картошкой, Троя казалась ему даже дальше Луны. Задумавшись порой о бесстрашном Ахилле или сокровищах царя Приама, он не раз получал подзатыльники от своего дядюшки, которому важнее был точный вес мешков с товаром, чем фантазии племянника, помешавшегося на Гомере и Древней Греции.

Хотя Шлиман посещал школу лишь короткое время, он сумел самостоятельно изучить древнегреческий язык, чтобы читать произведения Гомера в подлиннике. Кроме того, он прочитал все доступные ему книги по археологии и изучил по ним основы этой науки. Вдобавок он выяснил, что археологические экспедиции и раскопки стоят очень дорого. Он же был беден, поэтому вначале решил разбогатеть, чтобы осуществить свою мечту.

Генрих ушел из дядюшкиной лавки и поступил продавцом в один из торговых домов Амстердама. Будучи человеком трудолюбивым, настойчивым и смекалистым, он очень быстро смог добиться успеха. Накопив некоторую сумму денег, он основал собственные фирмы в России и Америке. В сорок один год Шлиман стал обладателем огромного состояния. После этого он полностью отошел от дел и посвятил остаток жизни осуществлению своей детской мечты.

Как закончилась эта почти сказочная, но произошедшая в действительности история, известно всем: Генрих Шлиман нашел город, которого, по мнению ученых того времени, не существовало. Он нашел его точно на том месте, где он, судя по описанию Гомера, и должен был находиться.

Но это еще не все. Среди развалин города он нашел и легендарные сокровища троянских царей, о которых так часто мечтал среди бочек и мешков в лавке своего дядюшки. (476 слов)

(По энциклопедии «Что такое? Кто такой?»)

49. Тайна гекзаметра

У меня была бессонница. Окно было открыто. Я слышал плеск самой ничтожной волны и треск стручков акации из сада. Обычно созревшие стручки лопались в дневную жару, но иногда они раскрывались и ночью. Мне казалось, что я один не сплю на всей огромной земле, и если я затаю дыхание, то смогу даже уловить тихий звенящий звук от движения звезд в мировом пространстве. Древние греки верили в этот звук и называли его «гармонией сфер».

Затем я вспомнил знакомую девочку Лилю, учившую стихи Пушкина на берегу моря. Я начал вслух повторять тот же пушкинский гекзаметр, что читала Лиля. Шумели равномерно волны, и первая строка стихов неожиданно слилась с размером волны.

Пока я проговаривал эту фразу, волна успела набежать на берег, остановиться и отхлынуть. И вторая пушкинская строка с такой же легкостью вошла в размер второй волны. По законам гекзаметра в середине строки надо делать небольшую паузу, то есть цезуру, и только после этого произносить конец строки. Я снова повторил первую строку. Пока я говорил, волна набежала на берег. После этих слов я остановился, выдерживая цезуру, и волна тоже остановилась, докатившись до небольшого вала из гравия. Когда же я произнес конец строки, то мой голос слился с шорохом уходящей волны, не опередив его и не отстав ни на мгновение.

Я сел на кровати, пораженный тем, что мне сейчас открылось в шуме волн. Надо было проверить эту удивительную, как мне показалось, случайность еще на одном примере. Я вспомнил строки другого поэта и произнес их вслух. Снова гекзаметр повторил размер волны.

Было ясно: протяженность волны совпадает с протяженностью строчки гекзаметра. Я угадывал в этом какую-то тайну, хотя и пытался уверить себя, что совпадение случайно.

Мои мысли опять вернулись к Лиле, к ее слепой тете в черных очках, которую девочка так бережно водила за руку... Вдруг как будто вспышка молнии прорезала ночную тьму. Слепая женщина и слепой поэт!

Гекзаметр создал слепой Гомер! Жизнь существовала для него лишь во множестве звуков. И мне вдруг стало ясно, что Гомер, сидя у моря, слагал стихи, подчиняясь размеренному шуму прибоя. Самым веским доказательством, что это действительно так, служила цезура посередине строки. По существу она была не нужна.

Гомер ввел ее, следуя той остановке, какую волна делает на половине своего наката. Гомер взял гекзаметр у моря. Он воспел осаду Трои и поход Одиссея торжественным напевом невидимых ему морских пространств. Голос моря вошел в его поэзию плавными подъемами и падениями, голос того моря, что гнало, шумя и сверкая, веселые волны к ногам слепого поэта.

Нашел ли я разгадку гекзаметра? Не знаю. Я хотел рассказать кому-нибудь о своем открытии. Но кому какое дело до Гомера!

Мне хотелось убедить кого-нибудь, что рождение гомеровского гекзаметра – частный случай в ряду еще не осознанных возможностей нашего творческого начала. Живая мысль часто рождается из столкновения вещей, не имеющих на первый взгляд ничего общего между собой. Что общего у кремня и железа? Но их столкновение высекает огонь. Что общего между шумом волн и стихами? А их столкновение вызвало к жизни величавый стихотворный размер. (483 слова)

(По К. Паустовскому)

50. Речка тоже живая!

Однажды мне довелось в очередной раз выступать перед аудиторией с показом слайдов и рассказом о чудесах природы, об удивительном мире мелких существ, которые нас окружают. Выступление состоялось в большом здании Дома культуры.

Я вновь с радостью наблюдал живую реакцию и заинтересованность зрителей. И в очередной раз я смог убедиться, что осталось и во взрослых людях детское желание открытий, тяга к путешествиям, мечта о гармонии во взаимоотношениях друг с другом и с миром природы!

Зал был полон, но реакция слушателей была единодушной и очень доброжелательной. Люди посмеивались над некоторыми странностями в поведении муравьев и пауков, поражались разумности пчел, восхищались совершенством и красотой бабочек. В конце выступления последовали дружные аплодисменты.

А после выступления я шел на станцию к электричке, и путь мой лежал через мостик. Мостик был над маленькой, извилистой, типично равнинной речушкой. Такая обязательно живет в том заветном уголке сознания, где хранятся самые трогательные воспоминания детства. Помните? Туман, рассвет, удочка. Яркое солнце, брызги и крики в воде, босые ноги. Ни с чем не сравнимый запах речной воды, осоки. Ветер, шелест травы, шепот листвы деревьев, склонившихся над маленькой заводью. Тут только начни вспоминать!

И вот я шел через мостик, довольный недавним своим выступлением, умиротворенный доброжелательной реакцией аудитории. С высоты мостика я взгляделся в речку. Толстая труба, тянущаяся откуда-то с берега, выпускала желтовато-белую жижу, а по другую сторону моста эта жижа расплывалась и делала речку мертвенно-белой, мыльной, отравленной. Но и выше моста, перед трубой, речка тоже была почти уже мертвой. Лишь кое-где робко зеленели отдельные пучки осоки, но вокруг них была сплошная жижа и грязь, на этот раз неестественная, угольно- черная. Из воды торчали банки, палки, плавало какое-то тряпье.

Первая мысль, промелькнувшая в голове, была: за что убили речку? Допустим, был бы это какой-нибудь пустырь, поросший бурьяном и превращенный в свалку. Это еще можно было бы понять. Но зачем же речку? Разве не знает каждый, что речка — это символ жизни для человека, источник чистой воды, оазис природы, предмет любования и даже поклонения. Директор или главный инженер того самого предприятия, которое ее загрязняет, разве не живые люди? Что же они своим детям и внукам оставят? Разбитые кирпичи, стружки и грязь?

Труба тянулась от предприятия, которое, очевидно, и построило Дом культуры, в котором я выступал. И вот о чем я подумал тогда. Ведь почти семьсот человек только что с таким вниманием, доброжелательностью, энтузиазмом слушали мое выступление, смотрели на «меньших братьев», любовались совершенством травинки, цветка, листа. От такого взаимопонимания я радовался тем более, что думал по наивности: своим выступлением я сделаю их немножечко лучше. И вот эта речка-

Строительство Дома культуры, конечно же, стоило немалых денег. А ведь было бы достаточно и небольшой суммы, чтобы привести в порядок речку, оживить ее, чтобы не уныние и яд несла она людям, а радость и здоровье. Разве это не важно?

Теперь оживить речку будет очень трудно, но ведь это еще возможно. Только надо помнить, что речка тоже живая! (469 слов)

(По Ю. Аракчееву)